

ЮНЫЙ
НАТУРАЛИСТ
73
2

НЕЗАБУДКИ МАМАЕВА КУРГАНА

Я заметила мальчишку издали. Маленькая его фигурка хорошо была видна среди молодых саженцев на слегка заснеженном склоне кургана. Он подгребал к стволу березки сухой, рассыпчатый снег и притаптывал его серыми валенками. Подняться туда оказалось не просто. Пронизывающий ветер упругой стеной вставал на пути, швыряя в лицо пригоршни колючей снежной пыли. Здесь, на кургане, ветер полновластный хозяин, не желающий мириться ни с чьим соседством. Он свистел и гудел, прижимая к земле тоненькие березки.

Деревце, возле которого стоял мальчишка, было крепко привязано к воткнутому в землю колышку и потому не сгибалось, а лишь вздрагивало под ветром всеми своими веточками.

— Брат посадил. В армии сейчас, велел беречь, — объяснил паренек. — А вы откуда приехали? Из Москвы?.. К нам отовсюду приезжают сюда, на Мамаев курган...

Дальше мы шли вместе. Медленно поднялись по широким ступеням, прошли вдоль тесного ряда высоких тополей, похожих на замерших в вечном строю молоденьких солдат. Не сговариваясь, остановились у скорбящей матери, навечно склонившейся над телом погибшего сына. У подножья монумента лежали свежие белые розы.

— Здесь всегда цветы, — сказал Генка, так представился мой юный экскурсовод. — Чаще гвоздики и розы. Весной ландыши. Мы собираем их там, за Волгой. А летом бывают незабудки. Знаете, такие

Научно-популярный журнал
ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина
Журнал основан в 1928 году

маленькие и голубые-голубые. У нас они не растут. Их кто-то привозит. Каждый год...

В Зале воинской славы мальчик стянул шапку-ушанку с густых, коротко остриженных волос. В его темных глазах крохотными огоньками отразилось пламя факела. И невольно всплыли в моей памяти строки:

«Я не просто мальчишка.
Я — сын солдата, сын Сталинграда.
Капля его бессмертия, искра его огня...»

Сталинград! Тридцать лет назад здесь, на высоком волжском берегу, решалась судьба человечества. Двести дней и ночей шли ожесточенные бои. Сожженный, разрушенный до основания город продолжал жить и бороться. Советские солдаты отстаивали каждый дом, каждую пядь земли, твердо зная, что сдать Сталинград — значит открыть фашистам сердце страны.

И выстояли. Не сдали. Под Сталинградом выдохся враг. Не все сражались у стен легендарного города, но все в то суровое время были сталинградцами, потому что не щадили себя для победы, потому что умели любить Родину и ненавидеть ее врага.

Мы с Геной молча идем вдоль черных мраморных плит с золотыми именами героев, поднимаясь к вершине кургана. Отсюда, с высоты, хорошо виден расположившийся на крутых холмах город.

Террасами спускается к Волге набережная. Сбегают вниз серые ступеньки гранитных лестниц, а по ее склонам упорно карабкаются вверх клены и березки. А выше, словно широкая стрела, пролегла через город самая главная и самая красивая улица — проспект имени Ленина.

30 лет минуло с того дня, как отгремели в этих местах последние залпы. Неузнаваемо преобразился, похорошел поднявшийся из руин и пепла город. Он давно залечил раны. Но не забыл о них. В Волгограде помнят о войне. Эта память в золоте обелисков и в страшном остове мельницы, от которой в сырую погоду до сих пор тянет дымом и гарью. В названиях улиц и парков, в мужественном молчании тридцатьчетверок на пьедесталах, увековечивших бывшую линию передовой. В Аллее героев, где рядом с молодыми тополями покрывается зеленью по весне живой памятник — старый тополь, свидетель великой битвы.

Годы идут. Но чем больше их встает между сегодняшним днем и зимой сорок третьего, тем отчетливей память и ощутимей боль потерь. Она сгибает плечи и прибавляет белизны на висках Ивана Федоровича Афанасьева, отстоявшего со своим гвардейским взводом знаменитый Дом Павлова. Но помнят суровые годы не только они, ветераны. Помним и мы, дети тех, кто остался навеки здесь, в полынных сталинградских степях. Свято чтут эту память такие мальчишки, как Генка, не видавшие и не знающие войны. «Я — сын солдата, я — сын Сталинграда», — как клятву повторяют они, повязывая впервые красный галстук, прикалывая на грудь комсомольский значок. И не просто помнят. А по крупицам восстанавливают события военных лет, отыскивая все новые и новые имена героев. Помогают строить город и одевать в зеленый наряд его улицы.

Зимы в Волгограде часто бесснежные. Морозы такие, что не выдерживает, трескается земля. А летом — беспощадно палящее солнце, пропитанные песком и пылью горячие суховеи. Нелегко волгоградцам в таких условиях сохранять свои скверы и парки. И тут первые помощники у взрослых — юннаты.

Ранней весной расцветает фруктовый сад вокруг 551-й восьмилетней школы. Он не совсем обычный. Есть в нем Пионерская аллея, что особенно хороша в середине лета, когда невысокие деревца густо усыпаны зреющими абрикосами, похожими на тысячи усевшихся по веткам солнечных зайчиков. Ленинская аллея. Сто ее молодых вишенок должны дать весной первый урожай.

Растет в школьном саду число фруктовых саженцев. И в этом году появится в нем новая аллея — Сталинградская. Сколько ведер воды переносили Оля Носкова, Вера Посевина, Света Курочкина и их подруги за лето, спасая деревья от засухи! Зимой на помощь юным садоводам снова приходит вода. Ребята заливают ею сад, покрывая землю защитным ледяным панцирем. Зато самый первый урожай фруктов собирают в Волгограде школьные юннаты и щедро делятся им с малышами своих подшефных детских садов.

Миша Токарев, Саша Ткаченко и Андрей Коваленко — юные лесничие 10-й средней школы, рассказывали мне о том, как восстанавливается вокруг Волгограда уничтоженное во время боев защитное зеленое кольцо. Когда кончается учебный год, члены школьного лесничества выезжают в свой летний лагерь на посадку лесополос. Высаживают в степи сеянцы вяза, а между ними пушистые молодые сосенки. Здесь, в степи, юным лесничим приходится трудно. Степь диктует свои законы. Не будешь знать их, пропадет весь труд. Так, одни молоденькие сосенки нельзя сажать. Погубят их жгучие солнечные лучи. Поэтому и прикрывает их живая изгородь более устойчивых саженцев вяза, ясеня или клена.

Юными цветоводами славится в Волгограде 99-я средняя школа. Среди них и Марина Елагина. Запомнились мне ее пепельные волосы до плеч и густой застенчивый румянец, заливавший щеки всякий раз, как только начинала она говорить. Марина показала маленькую голубую елочку возле школы — любимицу всех ребят, привезенную из крымского лесопитомника, рассказала, как оберегают они ее от морозов, покрывают марлевым пологом летом, предохраняя от солнца. Потом с гордостью водила по школьной теплице. В ней круглый год цветут бегония, примула, гортензия, гвоздика. Из школьной теплицы и те розы, что лежат здесь, на Мамаевом кургане.

Мы стоим с Геной на самой его вершине. Высоко над городом возвышается величественная фигура женщины, замершей в стремительном порыве, с высоко поднятым мечом. Родина-мать. Символ мужества. Память о героях. Грозное предостережение врагам.

30 лет — немалый срок. Давно восстановлены города, выросли новые села. Но не прекращается людской поток сюда, на Мамаев курган, не вянут цветы у солдатских могил. И повсюду: в Москве, у могилы Неизвестного солдата, в Хатыни — маленьком белорусском селе, в Мурманске и Севастополе, во Владивостоке — у Вечного огня и старый фронтовик, и мать, потерявшая сына, и мальчик, знающий о войне лишь по книгам, — каждый думает о самом важном в жизни и о тех, чьи имена начертаны на приспущенных боевых знаменах, кто собственной жизнью заплатил за то, чтобы стояла над землею мирная тишина. И шумят листвой на Мамаевом кургане подмосковные березки и литовская сирень, узбекские чинары и грузинская пихта, кавказская липа и украинский каштан. И глядят летом в знойное волгоградское небо иссиня-голубые незабудки. Незабудки Мамаева кургана.

Г. МАРТЫНОВА

С высоты птичьего полета Узбекистан кажется огромной тетрадкой, разлинованной каналами — большими и малыми. Вдоль линеечек расположились поля и сады, дома и заводы, школы и пастбища. Много нужно приложить труда, чтобы на этой солнечной земле цвели сады и зрел хлеб. Вместе со взрослыми разделяют этот труд пионеры и школьники Узбекистана. И работают они дружно — недаром многие из них были участниками Выставки достижений народного хозяйства СССР, награждены дипломами и медалями.

„Космический" бульон

Выращивать гусениц шелкопряда — дело нелегкое, очень они привередливы и едят исключительно листья тутовника — шелковицы. Тысячи тонн зеленого корма требуется весной и летом. В это время года узбекские шелководы собирают молодые побеги даже в парках и садах.

Ну а если, используя то же количество корма, заставить гусеницу свивать более толстый кокон? Ведь именно он интересует больше всего человека. Юннаты кружка шелководов Центральной станции юных натуралистов Узбекистана, которыми руководит Александра Васильевна Носова, решили прибавлять к обычному корму различные стимуляторы роста. Несколько лет юннаты экспериментировали. И выяснили, например, что некоторые из этих веществ дают увеличение веса кокона, однако оказалось, увеличивался он лишь за счет роста личинки.

Но однажды на станции произнесли слово «хлорелла». И вот юные шелководы Ташкента стали «апробировать», как отнесется привередливая гусеница шелкопряда к добавке хлореллы. Листья тутовника, смоченные «водорослевым бульоном», гусеницы поедали с удовольствием. Хлореллы, которую выращивали сами ребята, на станции не хватало, пришлось просить у взрослых. Ведь кормить приходилось по 6—8 раз в день.

Опыт увенчался успехом. И вторую летнюю выкормку юннаты проводили уже не на своей станции, а в лаборатории Среднеазиатского научно-исследовательского института шелководства. Результат оказался значительным — шелковая оболочка кокона весила на 37 процентов больше, чем у гусениц, выращенных без добавления хлореллы. Период выкормки сократился на три дня, и нить, полученная с юннатских коконов, была длиннее обычной на целых 100 метров.

Сегодня шелководы колхоза «Москва» в Андижанской области и совхоза «Назарбек-1» Ташкентской области уже выращивают на производственных площадях шелковичного червя по методу, который родился на станции юных натуралистов.

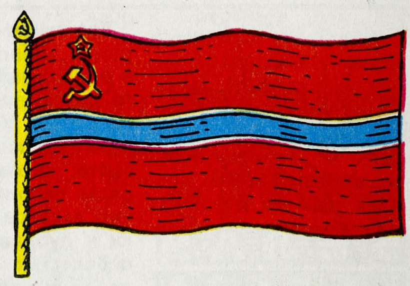
Белое поле

Для хлопчатника необходимо много солнца, поэтому растет он исключительно в самых жарких республиках нашей страны. Но ему нужна и вода, много воды — хлопковые поля поливают зимой и летом. Нужно много минеральных, органических удобрений, потому что эта культура обладает «завидным аппетитом». Чтобы вырастить настоящий хлопчатник, нужно ухаживать за ним круглый год, без перерыва. Это прекрасно знают юные хлопкоробы Самарканда — на небольшом участке областной станции юных натуралистов они выращивают завидный урожай «белого золота». Маленькое поле — целая лаборатория. Здесь есть коллекционный участок, где ребята выращивают различные сорта хлопчатника — и цветной, и белый, и тонковолокнистый. За последние годы в их коллекции собралось 80 сортов. Коллекцией юных натуралистов пользуются не только школы, но и сельскохозяйственные вузы области — так она обширна.

Однако это только одна часть юннатского поля. Есть еще и опытные делянки, на которых ребята проводят эксперименты с самым распространенным в области сортом «108ф». В течение трех лет они экспериментируют, подкармливая опытные растения химическим веществом — гетероауксином. Сегодня юные хлопкоробы уже определили дозы стимулятора, которые дают наибольший прирост волокна, и отрабатывают методику подкормки, чтобы в дальнейшем рекомендовать ее для внедрения на полях области.

Без цветов — нет города

Город Карши — центр Кашкадарьинской области Узбекистана. Летом солнца здесь столько, что вызревает даже теплолюбивый «индийский гость» — тонковолокнистый хлопок. А зимой случается мороз, крепкий, как в Средней России. Но всего хуже, когда поднимается ветер. Он выметает легкий песок из пустыни — нет спасения тогда от пыли, она проникает через тончайшие щели, попадает в еду, оседает на простынях, скрипит на зубах. Город закрывается от этой напасти асфальтом, защищается листвой деревьев, но ведь есть такие места, где не поможет ни дерево, ни кустарник, и тут на помощь приходят цветы. Своими тонкими разветвленными корнями они связывают непоседливый песок на обочинах дорог, в промежутках между большими деревьями. А потом ведь это красиво! Большая организация, снабженная машинами, занимается украшением и благоустройством областного центра — Каршизеленстрой. Но не остаются в стороне и юннаты. На Каршинской областной станции юных натуралистов зимой в теплице, а летом в грунте выращивают цветочную рассаду и получают семена. Кружок цветоводства областной станции снабжает своей важной продукцией не только школы, детские сады и ясли — больше трех килограммов семян различных цветов передают юннаты ежегодно Зеленстрою, сами высаживают цветы на клумбы и газоны, учат младших товарищей искусству украшать родную землю.

В Узбекской ССР создано 988 ученических производственных бригад. Они выращивают хорошие урожаи хлопка, фруктов, овощей и технических культур.

154 бригады республики были участниками ВДНХ СССР.

Почти миллион саженцев плодовых деревьев и кустарников выращено узбекскими пионерами в садах и парках в прошлом году.

Более двухсот школьных биологических кружков Узбекистана ведут опыты по увеличению урожая хлопчатника. Юные хлопкоробы используют при экспериментах новейшие минеральные удобрения, гербициды, стимуляторы роста и другие активные вещества, которые дает земледельцам современная химия.

На Самаркандской станции юных натуралистов, в кружке полеводства, проводятся опыты по искусственному опылению злаков. На своей делянке юные полеводы получили урожай кукурузы на зерно 95 центнеров с гектара.

Вот уж поистине примечательны донесения отрядов «Белой березы»! Сколько в них любви к родной природе, стремления защитить зеленого друга, приумножить богатства его бесценных кладовых! Каждый день приносит почта в штаб конкурса письма с короткой надписью на конверте: «Белая береза». Отрадно, что новые отряды пополнили ряды юных друзей леса. Значит, веселее будут шелестеть листьями березняки и дубравы, сильнее станет гомон в рощах и перелесках, еще больше молодых посадок встанет на вырубках и пустошах.

Нет, не будет сегодня нового задания. Оно ждет вас, ребята, весной. А пока пусть заговорят донесения и отчеты, которые прислали вы с короткой надписью на конверте.

Ждем новых заданий

В этом учебном году наш отряд почти обновился. Мы приняли новых ребят. Но традиции, созданные старым составом, сохраняются. Отряд продолжает выполнять задания конкурса «Белая береза».

Мы собрали более трех килограммов желудей красного дуба. Осенью часть из них посеяли в питомнике, а другую оставили для весны.

Сейчас в нашем саду действует птичья столовая. На кормушках всегда много семечек и ягод рябины: угощайтесь, птицы! Каждую субботу выходим в рейд, смотрим, не губит ли кто деревья. Ждем следующих заданий «Белой березы».

Владимир ЖИГАНОВ
Москва

Целебные поляны

До объявления операции «Тысячелистник» многие ребята даже не знали, что вокруг поселка много целебных трав. Сначала мы пошли в аптеку и спросили, какие лекарственные растения можно собирать. В первую очередь нам рассказали о подорожнике. Каждому сызмальства знаком, растет почти под ногами, а мы и не догадывались о его лечебных свойствах. А синеглазые васильки! Оказывается, они не только красивые, но в их ярких цветках спрятаны лекарства. Вот что мы собрали: 8 килограммов подорожника, 3 килограмма цветков василька, 15 килограммов коры крушины. И еще много ягод и трав. 27 килограммов сушеной черники, 12 килограммов травы зверобоя, 30 килограммов корней аира. Теперь мы много знаем об этих лекарственных растениях, и на примете у нас целые целебные поляны.

Бездежская средняя школа
Брестская область

Мал, да удал

Наш зеленый питомник маленький, всего 0,09 гектара. Но и на таком крохотном с виду «пятачке» можно сделать многое. Посудите сами. Мы вырастили в нем около миллиона саженцев сосны. Этого хватит, чтобы посадить примерно 150 гектаров хвойных боров.

После сосны мы посадили там же черенки тополя, акации, смородины, крыжовника. Их, когда подрастут, перенесем на улицы поселка. Почвы у нас песчаные, но все саженцы приживаются хорошо. Вот и получается: наш питомник хоть мал, да удал.

Голованавское школьное лесничество
Рязанская область

И у нас будет питомник

Своего питомника наше школьное лесничество пока не имеет, но мы ухаживаем за лиственным питомником Гожского лесничества Гродненского лесхоза. Площадь его 0,06 гектара. Летом мы пропалывали там сеянцы, обновляли канавки вокруг посевов. Каштан, клен, ясень, акация были такие маленькие и хрупкие, что даже не верилось, вырастут ли из них большие деревья. А вокруг шумели сосны. Высокие, с янтарными каплями на стволах.

Взрослые отдали нам половину пустой площади для выращивания своих сеянцев. Мы собрали осенью семена клена, каштана, липы и других растений. Весной посеем их, и у нас будет свой питомник.

Саша ВИТКОВСКИЙ
Гожская средняя школа
Гродненской области

Когда не страшна зима

Операцию «Гроздь рябины» мы выполнили успешно. Не беда, что в наших лесах нет рябины. Зато мы заготовили много другого корма для наших пернатых. Во-первых, заготовили семена подсолнечника (у каждого на огороде растет это растение), собрали семена тыквы. Выполнять это задание мы начали до появления его в журнале. Многие учащиеся нашей школы во время каникул помогали убирать урожай, очищать и сортировать семена. Семена разных сорных растений, которые остались после очистки семян, решили использовать для подкормки птиц.

Не забыли и воробьев. Для них заготовили достаточно отходов пшеницы. Сытная будет зима у наших пернатых. Сейчас 10 подкормочных пунктов и 2 птичьи столовые обслуживают наших пернатых. За ними следят дежурные юннаты.

Да и холодов бояться птицам нечего. Есть для них и зимние квартиры. 96 птичьих домиков в их распоряжении, все они рядом с кормушками, на территории школьного сада. Одним словом, нашим птицам зима не страшна.

Люда ЖУРАВЛЕВА
с. Любитовка
Приморского края

Прилетайте, свиристели!

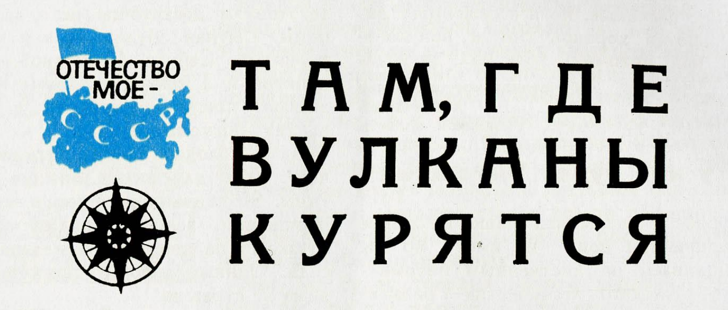
Я давно занимаюсь подкормкой птиц. У меня своя столовая, состоящая из нескольких кормовых столиков, оконной и подвесной кормушек. Подкармливаю птиц с конца августа и до апреля. В начале осени столовую посещают пеночки, славки, горихвостки, зорянки. Зимой прилетают важные снегири, свиристели, дубоносы. Беспокойно крича, бегает по кормушке поползень. Зимой к основному корму — конопля, давленые подсолнечные и тыквенные семечки — добавляю ягоды бузины, рябины, семена чертополоха и репейника. А в сильные морозы я подкармливаю синиц несоленым салом.

Прилетают ко мне сороки и галки. Все, что остается от обеда, я выношу в сад, а потом через щелочку в заборе смотрю, как большие осторожные птицы поедают угощение.

Я охотно подкармливаю птиц, и это занятие приносит мне много приятных и радостных минут.

ВЯЧЕСЛАВ НАРЕЙКО
г. Трубчевск
Брянской области

ТАМ, ГДЕ ВУЛКАНЫ КУРЯТСЯ

От этого удивительного дня на острове Кунашир в моем блокноте осталась всего одна строка: «Холодно, мокро и хорошо».

Глухо вздыхал Тихий океан. Из далекой мглы приходили угрюмые громады волн, устало гнали друг друга через мелководье к песчаному берегу, широкому, как поле, твердому, как асфальт, и здесь умирали. Раскидывая широкие крылья брызг, мчались машины, мотоциклы.

И мы ступали прямо в волну. Терять уже было нечего: и ботинки, и куртки — все давно промокло. Плашкоут на судно будет только вечером. Разглядывали стоящие за дождем лиственницы — флюгеры, слушали крики чаек, рокот океана, собирали дары, что он нехотя выталкивал к нашим ногам. Звезды и гребешки, скелеты ежей и ракушки мидий, цветные шары стеклянных поплавков, смешные пластмассовые игрушки с какими-то иероглифами и двухсаженные бурые змеи листьев морской капусты. А однажды на пути лег деревянный корпус «кавасаки» — небольшой японской рыболовной шхуны, выброшенной накануне тайфуном «Люси». Красное днище поросло белесой ракушкой, бронзовый винт позеленел и беспомощно уткнулся в песок.

Это было в один из последних дней нашего путешествия. Отправившись из Владивостока, мы побывали в Приморье, на Сахалине и Камчатке, а потом теплоход возвращался на юг вдоль Курил. Путь наш как слаломная трасса: шли то с охотской, то с тихоокеанской стороны островов. Нас сопровождали косатки и дельфины, стаи диковинных птиц вились над головами. Сверкали нити водопадов

и белая пелена прибоя, тянулись ленты туманов, над которыми юртами кочевников торчали вершины вулканов. В проливах меж островами зыбь и стремительные течения.

Словно корабли, вышедшие в дальнее плавание от Камчатки до острова Хоккайдо, растянулись и плывут в кильватерной колонне острова с экзотическими названиями, созвучными шуму прибоя; от Шумшу, Парамушира и Шиашкотана до Кунашира и Шикотана — тысяча двести километров. Имена островам давали айны, населявшие их когда-то, и означают они простые понятия: «Черный остров» и «Большой», «Лосось» и «Старое поселение», «Лучшее место». А старинные названия: остров Атласова или Анциферова, проливов Креницына и Севергина, Крузенштерна и Лужина, заливов Измены и Натальи — напоминают об истории освоения их русскими людьми. Здесь «укрылись» многие русские богатыри, обернувшись мысами или вулканами: Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович. Есть вулканы Иван Грозный и Менделеев, а один, чуть не самый красивый и высокий из богатырей «действующих», вулкан в вулкане — просто Тятя, как и совсем нашенский — камень Авось.

Основная масса вулканов нашей планеты собралась в районе Тихого океана, образовав тихоокеанское «огненное кольцо». Около ста курильских вулканов составляют немалое звено этого грозного кольца, тем более что половина из них действующие. Самый высокий — Алаид, сосед Камчатки, поднявший свой красивый снежный конус прямо из Охотского моря на 2339 метров. Он давно неспокоен. А в середине прошлого лета гремел всерьез. Облака пепла поднимались на многие километры, а стрельба вулканическими «бомбами» велась не только из наземных, но даже из подводных кратеров. Вулкан лил лаву, угрожая судам и людям.

Однако семеро смелых из Института вулканологии Петропавловска-Камчатского во главе с Анатолием Чирковым высадились на вулкан. Великий и вечный акт разрушения и сотворения нашей планеты происходил у них на глазах. Природа приоткрыла завесу над самой сокровенной своей тайной. А рядом пели жаворонки. На острове была весна, и белые глаза перных цветов Алаида — ветрениц — смотрели в закопченное небо.

Курильские вулканы отделяют Охотское море от океана, вместе с огромным количеством вершин и гребней выставляясь из воды. Японцы называли их архипелагом тысяч островов, каждый кусочек которых или вулкан, или необычный его кратер, или два-три вулкана вместе. Сейчас многие из них затаились и лишь дымят самую малость. И кажется, что голубовато-седые вершины созданы только для того, чтобы нельзя было оторвать от них очарованных глаз.

Ну как, например, равнодушно миновать залив Львиная пасть на Итурупе. Он образован каменными полуостровами. Форма их подсказала и названия: Клык и Челюсть. Это вершины древнего кратера вулкана. Когда-то раскаленное жерло уходило на пятьсот метров глубже уровня океана и на столько же возвышалось над ним. Диаметр вверху — более шести километров. Кратер выдвигался далеко в море, и это погубило его. Стихия одолела камень, вымыла коридор, и хлынувшие воды затопили гигантскую чашу ровно наполовину. Стеречь вход остались предательские рифы и огромная черная скала. Волны и ветер превратили ее в гигантского льва, гордо лежащего на глади моря. Теперь в кратере живут стада дельфинов, и только очень опытные капитаны решаются изредка нарушить их покой, чтобы ознакомить с уникальным явлением природы своих пассажиров.

Или удивительный по красоте двойной вулкан Креницына на острове Онекотан. Его старый семикилометровый кратер заполнило теплое озеро. А из него встал еще один конус молодого вулкана. Он опоясан сверкающей гладью вод, вершина в снегу и чуть дымит. А двадцать лет назад этот конус три дня подряд метал бомбы и пепел, изливал огненные потоки. С проходящих кораблей долго потом видели столбы пара из вскипевшего озера.

Чем же влекут к себе, в туманную даль, Курилы? Чем славятся? Многим! Хотя и не овеяны романтикой легенд, как полагается «краю света», зато наделены богатством легендарно. И здесь не обошлось без вулканов. Они создали эти острова и, кроме ужасов извержений и удовольствия видеть их спокойную прелесть, одарили в изобилии полезными ископаемыми: титано-магнетитовыми песками, полиметаллическими рудами, туфами и глинами, гравием, пемзами и серой. Вулкан Эбеко, например, рождает удивительную речку Юрьеву. В ржавой воде — многие тонны железа и алюминия. Вулканы наделили суровые острова горячими живительными водами. Здесь сорок групп теплых целебных источников и лечебных грязей. Много горячих озер. Богаты Курилы строевым лесом, орехами кедрача и сочными травами — недаром здешние коровы славятся высокими удоями.

Но главные сокровища таят в себе курильские моря. Две с половиной сотни пород ценных рыб, крабы, креветки, гребешки и капуста. Тюлени и сивучи. Восстановлено стадо «бриллианта моря» — калана. Шкурка этой морской выдры самая ценная в мире. Одно из трех мировых лежбищ котиков находится на Курилах.

Острова лежат на широтах Киева и Сочи. Но климат! Летом прохладно, сырые туманы. Пасмурных дней в году до 230. Зимой ртуть хотя и редко падает ниже 10°, но изнуряют ветры и метели. А снега в три-пять метров не удивляют старожилов, и случается, что на работу и в гости местные жители ходят снежными туннелями.

И несмотря на это, есть у Курил еще одно неоценимое сокровище — красота природы. Красота, захватывающая, не похожая на прелести Кавказа и Крыма. Уходящие в голубую даль зубцы вулканов на фоне золота серы, малахита полей и лесов, белизны туманов и пара. Что сравнится с ними? А «леса» из травинок толщиной в руку, скрывающие всадника с лошадью! А бамбуковые джунгли! А роскошь цветов: ирисов, лилий или гортензий, взбирающихся со своими пышными белыми шарами к верхушкам вековых пихт. Они придают лесам нарядный, праздничный вид. Тропические лианы, тис, бархат и дикий виноград соседствуют с елью и дубом, с каменной березой и курильской лиственницей, кроны которой, как флюгеры, «причесаны» злыми ветрами всегда в одну сторону. В лесах Кунашира встречал я рощицы стройных деревьев. Их белые звезды-цветы, величиной с тарелку, глядели вниз с высоты пятнадцати метров. Этот ароматный цветок — самый красивый на свете и зовется магнолией. Только здесь в нашей стране она растет дикаркой.

Есть на островах свой курорт, где жарко и солнечно, цветут магнолии и маки, зреют арбузы, где людей лечат горячие воды и грязи. Это поселок Алехино на юге Кунашира. Есть горячий пляж на берегу Тихого океана, в часе хода от Южно-Курильска. Здесь берег курится паром. Стоит воткнуть кусок трубы в землю, и из него валит пар. Мальчишки обсыпают трубки песком — играют в вулканы. Прачечная, баня и дома в поселке отапливаются даровым теплом. Проектируется строительство геотермальной электростанции. Да разве перечислить неисчислимое! Даже тайфуны, штука довольно неприятная, относят к достопримечательностям островов, ибо без них Курилы — не Курилы, и, чтобы узнать им настоящую цену, надо пережить и это.

Жизнь не очень густа на тысяче курильских километров. Рыбацкие поселки, рыборазводные заводы да станции цунами. Приморские города небольшие: Северо-Курильск, Курильск, Южно-Курильск. Рыбокомбинаты, сайровые заводы, переработка водорослей. И всюду дощатые тротуары, всюду особые запахи. Запах моря и морской живности — главный среди них. Здесь кормятся океаном, поэтому все — работа и отдых, достаток, радости и огорчения связаны с уловом. Вокруг островов сотни рыболовецких сейнеров. И даже ночью океан до самого горизонта мерцает разноцветными огнями — сайру и кальмаров ловят на яркий свет.

На острове Шикотан мы пробирались к самому дальнему мысу, который и вправду называется Край света. Шли пихтовыми лесами, полями бамбука и можжевелового стланика. Карабкались на пригорки, любовались далями. Далями, которые только на Шикотане, от которых захватывает дух.

И рядом с этой необыкновенной природой, с океаном шел будничный сенокос. Правда, вместо травы косили низкорослый сочный бамбук. Тут же спокойно жевали простые российские коровы. И на мысе Край света коллектив маяка Шпанберга нес обычную службу. Его начальник В. К. Прядко говорил о присвоении им звания коллектива коммунистического труда, награждении грамотой и переходящим Красным знаменем.

А белый маяк Шпанберга смотрел в просторы Тихого океана. Дальше нашей земли уже нет. И ничьей земли нет, только океан.

А. ЦЫТОВИЧ

Фото автора

ЖИТЕЙСКИЕ ПРЕМУДРОСТИ ШАКАЛОВ

Всякий зверь, и большой и маленький, прилагает немало усилий, чтобы его жилище было удобным и теплым. Обычно крупные хищники устраивают себе норы и берлоги в глухих-преглухих местах, куда не всякий сможет проникнуть. Любят звери быть в своем доме полновластными хозяевами и даже проявляют недовольство, если другой зверь вздумает поселиться по соседству. Так ли ведут себя шакалы? Далеко не так. Их образ жизни настолько своеобразен, настолько богат всяческими премудростями, что невольно вызывает удивление.

Шакалы обитают только в южных краях. Они большие любители невысоких гор, поросших лесом и богатых добычей. По внешнему виду шакалы похожи на волков, а по характеру схожи с лисицами. Нередко и живут они, как лисицы, в норах. Однако зачастую селятся в пещерах, в расселинах скал, в дуплах старых деревьев, в буреломах. Охотятся шакалы только ночью, а в жилье проводят дневной досуг и, конечно, выхаживают щенят.

Обычно шакалы живут в одиночку, но когда появляются щенята, у них образуется семья. Заботится о потомстве не только самка, но и самец. Шакалы очень привязаны к своему дому. И если вдруг не хватает пищи, они любыми путями стараются раздобыть ее, только бы не расстаться с родными местами.

Блуждая по лесу в живописных гористых местах на юго-востоке Грузии, можно встретить множество шакальих нор. Их узнаешь по огромным кучам земли, насыпанным у входа. Обычно где-то на склоне звери находят мягкий грунт и передними лапами выкапывают себе жилище.

К сожалению, мне не приходилось наблюдать, как шакалы копают норы, но охотники уверяют, что делают они это так же, как и лисы. Кстати, наблюдать, как копает нору лиса, вовсе нетрудно. Перед вечером, когда хозяйка еще дома, подойдите к ее норе и засыпьте вход землей. Затем отойдите в сторонку и наблюдайте. Спустя двадцать-тридцать минут, если все вокруг спокойно, лиса начнет очищать свое жилище. Проделав отверстие, она выползет наружу. Осмотрится и, как только убедится, что поблизости опасности нет, приступит к основной работе. Вернувшись в нору, лиса быстрыми движениями передних лап подгребает землю под задние. А когда соберется небольшая куча земли, пускает в ход задние и так же быстро отбрасывает землю на несколько метров, а потом вдруг сама вылетит задом на самую вершину огромной кучи. Так повторяется, пока нора не будет полностью очищена. В конце работы лиса выметет своим пушистым хвостом нору до блеска, бегая туда-сюда.

Можно подумать, если шакалы копают себе норы, как и лисы, значит, и норы у них должны быть одинаковыми. Но ничего подобного. Лисы устраивают себе целые дворцы: норы у них бывают глубиной до 8—10 метров, имеют по два-три выхода — отнорка. По ходу отнорка имеются зигзаги — то вправо, то влево, то вверх, то вниз. Иногда они соединяются между собой. Пользуются лисы обычно одним, главным входом. В норе всегда чистота и порядок.

Шакальи норы бывают глубиной до 3—5 метров. Обычно они имеют главный вход и один-два отнорка. Часто встречаются норы только с одним входом. Там, где соединяются все ходы-выходы, имеется круглое углубление диаметром до метра. Его называют котлом. В нем обычно отлеживается зверь. От котла ответвляется тупик. Обычно он находится выше уровня котла. В нем укрывается зверь от наводнения или от неприятеля, особенно собак.

Норы у шакалов всегда в беспорядке: выход засыпан листьями, землей, даже иногда заплетен паутиной. Почему так? Во-первых, шакалы ленятся приводить свои норы в порядок, а во-вторых, частенько ночуют, вернее проводят день, где придется, а свое жилье оставляют на произвол судьбы. Шакалы набираются наглости занимать чужие норы. Больше всего от этого страдают лисы. Правда, чаще шакалы занимают заброшенные лисьи норы, но иногда выживают хозяйку из собственного дома.

На окраине Карагачского леса по направлению к Алазанской долине порядочно и лисьих, и шакальих нор. Раньше там ловили зверей, выкуривая их из норы.

Ловить зверей выкуриванием из норы — занятие нудное и ненадежное. Обычно возле лисьей или шакальей норы зажигают кучу соломы или бурьяна. Как только

пламя разгорится, солому сбрасывают в отнорок и засыпают землей да еще прикрывают чем-нибудь плотным, чтобы дым потянуло в нору. Дым раздражает зверя. И спустя двадцать-тридцать минут, не выдержав, он стремглав вылетает из нее. В этот момент нужно держать у входа мешок или ловушку, чтобы зверь угодил прямо туда. Часто во время окуривания лисьей норы из нее выбегала не лиса, а шакал. Поневоле задумаешься: каким образом шакал очутился в лисьей норе? Но однажды мне довелось быть свидетелем любопытной сцены, как шакал выживал лису из ее же норы.

Я отправился побродить по знакомым местам. Лесная дорога привела меня к замку царицы Тамары, темнеющему на неприступной скале. Полюбовавшись великолепным зрелищем, я пошел по холмам к Караагачскому озеру. Стоял полдень. Нестерпимо парило, и я спустился в глубокую балку, где струился Жигорев родник, с надеждой попить холодной воды. Вдруг я услышал какой-то странный глуховатый визг. Приостановился, стал прислушиваться. Оказалось, визг доносился из-под земли. Сразу было трудно понять, кто издавал такие жалобные звуки и по какой причине. Склонился, приложил ухо к земле, где визг слышался с наибольшей силой. Нетрудно было догадаться, что событие происходило в норе. Я начал искать отнорки и вскоре около куста боярышника обнаружил отнорок лисьей норы. «Запасной ход», — подумал я и стал искать другой отнорок. Метрах в десяти, так же около кустов, оказался второй, свежий, из которого сразу повеяло живым запахом. Мне стало любопытно. Я отошел в сторонку и сел под деревом напротив, чтобы заодно отдохнуть и понаблюдать за тем, что происходит в норе. Сижу пять, десять минут — изменений никаких. Все тот же слабый визг. Проходит полчаса — опять ничего. Я уже собрался было уходить, как вдруг визг усилился, затем послышался шорох. И наконец вижу, из норы показывается лисий хвост, потом задние ноги, а потом и все тело. Когда в норе осталась только морда, лиса приостановилась, скорчилась, ощетинилась и залаяла прямо-таки по-собачьи. Конечно, можно было бы схватить лису за хвост и упрятать ее в мешок. Но зачем обижать и без того обиженного! Я напряженно смотрел, стараясь ничего не упустить. Лиса напрягла последние силы и с громким визгом и лаем рванулась в нору. Только хвост ее мелькнул над кучей желтой земли. Кто выживал ее из норы, на сей раз я не смог разглядеть. После этого натиска визг в норе немного притих. Было похоже, что поединок прекратился. Но я не хотел уходить. Слышу, минут через десять визг снова стал усиливаться. Казалось, будто лиса визжала громче прежнего. И вот несчастная хозяйка пулей вылетает из норы уже передом, а следом за нею самый настоящий шакал. Отбежав в сторону метра на три, лиса, заметив меня, вильнула хвостом и скрылась в зарослях. Шакал, выскочив из норы, сразу остановился, бросил торжествующий взгляд ей вслед и мгновенно шмыгнул в нору. И я не понял, заметил он меня или нет, но, как бы там ни было, он остался в норе полновластным хозяином.

Наблюдая эту картину, я заинтересовался, почему поединок происходил так поздно — в полдень. Ведь шакалы возвращаются после ночной охоты в свои жилища обычно к утру. Не могли же звери воевать в норе с утра до полудня? Очевидно, шакал забрался в нору утром, когда хозяйки еще не было дома. По всей вероятности, лиса не спешила домой, прогуляла где-то до полудня. Такое с лисами случается часто. Так и проворонила она свое жилище. А я стал свидетелем тому, как более сильный собрат по семейству выгоняет из дому более слабого без всякой пощады.

Бывали и такие случаи, когда шакалы жили в одной и той же норе с барсуком. Весьма странное сожительство. Ведь барсуки принадлежат к другому семейству. Правда, они тоже хищники, но образ жизни у них иной.

Барсук крепкий, самостоятельный и очень трудолюбивый зверек. Земляные работы он выполняет гораздо лучше и усерднее, нежели шакал. Норы у барсуков всегда роскошные. Поэтому шакалы и пользуются их удобствами.

Чаще всего они забираются в барсучьи норы зимой, когда хозяева впадают в спячку. Правда, на юге барсуки зимой ведут активную жизнь, но в ненастную погоду могут несколько суток проспать непробудным сном. И вот в дождливую, холодную пору, когда шакалу становится невмоготу в своем ветхом жилище, где-нибудь в дупле или под камнем, он проникает в барсучью нору и даже спит бок о бок с хозяином. Просыпаясь, хозяин начинает возмущаться, но это не пугает и не смущает гостя. Выдворить барсука, такого упрямого и сильного, из своей норы не так просто. Между противниками разгорается бой. Но он заканчивается вничью.

Нужно сказать, что шакал мог бы загрызть барсука, но он не делает этого, очевидно, потому, что барсучье мясо очень жирное и обладает специфическим запахом, не по вкусу шакалу. И вот, когда барсук бессилен выдворить незваного гостя из своей норы, он предпринимает другие меры — отгораживается от шакала «стеной», засыпает землей вход на свою половину со стороны отнорка, откуда проник шакал, и соседи мирно живут в одной норе.

Подобное сожительство мне посчастливилось однажды наблюдать. Была у меня когда-то собака Пушок. Лазить по норам ее никто не учил, но выполняла она эту работу охотно, даже с пристрастием. Часто во время охоты Пушок забирался в лисьи или шакальи норы, да так ловко, что иногда и не заметишь, как он исчезнет с глаз. Если зверь бывал дома, между ними разгоралась борьба. Из норы доносились лай, визг. Пушок нервничал, клацал зубами, но в конце концов вылезал из норы один, фыркая, отряхиваясь, а иногда даже с расцарапанной мордой. Беда вся в том, что зверь, когда в нору проникает собака, покидает котел, где он обычно лежит, и уходит в тупик, откуда его выгнать очень трудно. Чтобы выдворить зверя из тупика, противникам необходимо поменяться местами. Но слабенькой собачонке не по силам заставить зверя уступить свое место.

Однажды с Пушком произошел довольно интересный случай. Неподалеку от дороги, ведущей к замку Тамары, расположены Летники. Это уютное местечко на опушке леса — излюбленное место отдыха жителей Красных Колодцев.

Как-то под вечер я пошел на охоту и прихватил с собой Пушка. Когда мы приблизились к Летникам, я решил пройтись вдоль опушки. Пушок же, как и следовало ожидать, прямо с ходу нырнул в чащу. Минут через десять он вернулся пустой и приник к моим ногам. Ждать было нечего. Я спустился по узкой тропинке к фруктовому саду, доживающему свой век в окружении девственного леса. Пушок бегал взад-вперед, шуршал листвой, вынюхивал что-то, а потом, гляжу, отыскал нору и шмыгнул в нее. Я подошел поближе и убедился, что нора была барсучья, причем с двумя выходами, расположенными неподалеку друг от друга. Слышу, Пушок грызется с барсуком. Я не надеялся на успех и стоял, ожидая, когда собаке надоест лаяться с упрямым хозяином.

Но, увы, минут через десять лай усилился, и мне показалось, что Пушок даже продвинулся в глубь норы. «Странно, — подумал я, — неужели он поменялся с барсуком местами?» Стою неподвижно. Пушок лает тревожно и настойчиво. И наконец, вопреки моим сомнениям из противоположного отнорка вылетает как ошпаренный шакал! Я направился к тому отнорку, откуда выскочил шакал. Но едва успел сделать два-три шага, как оттуда вылетел барсук, а следом за ним и Пушок. Барсук, кстати, и не подумал удаляться от своей норы. Как только Пушок освободил вход и приготовился броситься на него, барсук мгновенно повернулся и ускользнул в нору. Собака бросилась было за ним, но я позвал ее.

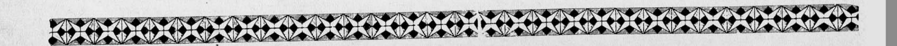
Приласкав возбужденного Пушка, я долго стоял в раздумье. Трудно было предположить, что собака выгнала шакала. Скорее всего перепуганный барсук пробил к шакалу «стену» и выдворил его. А потом, гонимый Пушком, выбежал и сам.

Вот как случается в зверином обществе.

П. ЛЕСНОВ,
кандидат биологических наук

Рис. Е. Скрынникова

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

ФЕВРАЛЬ

Последний месяц зимы. Злится она, не хочет уходить. Сыплет снегом, колючими ветрами стучится в окна, путает, переметает тропинки и дороги. Ничего порой не слышно из-за ее протяжного метельного завывания. Но заглянет в февральский лес зимнее солнышко, вздрогнут от его лучей сонные деревья, стряхнут снег тонкие кусты, повеселеют птицы. Словно не было метелей! Такой уж он, февраль, изменчивый, обманчивый. И не знаешь, какой завтра будет день, то ли солнечный, то ли метельный

Рис. И. Кошкарева

Фото И. Константинова и Р. Папикьяна

Февральский снег весной пахнет. Осел в продолжительную оттепель, местами почернел. Снег ведь тоже испаряется и, убывая, обнажает весь сор, накопленный в сугробах за зиму. Но хотя и веют теплые ветры, а до весны далеко. Вспышки метелей как раз и приходятся на вторую половину февраля-лютовея. Так и в народном календаре подмечено: «Февралю-батюшке — метели».

Когда со Средиземного и Черного морей приходят циклоны, погода стоит пасмурная, метельная. Атлантические циклоны также метельны и с сильными ветрами. Конечно, снег и теперь не во вред, ведь он утепляет землю, а по весне поит ее влагой. К тому же снег и удобряет землю: падая, он захватывает из атмосферы аммиак, который затем и вмывается в почву.

Спохватилась зима холодов напустить, да поздно. Первыми на переломе сезона приободрились, конечно же, пернатые. Протяжнее, звонче в солнечный полдень выводит песенку большая синица, прозванная за свой голосок «кузнечиком». Держится по дворам и на поросших пустырях, ночует в дуплах, а то и под застрехами. На солнечных опушках в синичьей свите мелькают и поползень и пищуха. Порхают, лакомятся гостинцами дятла, а тот знай свое крошит старую кору, обнажает насекомых — угощайтесь, пернатые!

По нетронутой снежной целине пролег заячий след — малик. Для следопыта понятен автограф косого. Вот зверек пробежал вперед, затем «ходом в пяту» вернулся, или, как говорят охотники, сделал сдвойку, потом, отбежав еще, прыгнул в сторону (скидка, сметка) и возле торчащей из-под снега ветоши сорняков залег головой к следу. Если отпечатки лап узкие, убористые и оброненный помет — вытянутый орешек с заостренным концом, то перед нами жировой (кормный) след русака. Беляк держится вблизи леса, русак — по полям, оврагам и кустарникам, забегает на усадьбы. Встречается на снегу лисий след — нарыск. Чутко вслушивается лиса, не пискнет ли под снегом мышь. Стоит только обнаружить поживу — и лакомство в зубах у Патрикеевны. Мышкует лиса против ветра. В феврале устраивают свадьбы серые разбойники — волки. И подчас можно услышать в лесу грозный рык самцов.

В переплете теней, на подсиненной скатерти сугроба раскиданы мелкие крылатые семечки елей. Во второй половине февраля еловые шишки расслабляют чешуи, топорщатся и выпускают семена. Ветер и вода, как заправские сеятели, далеко разнесут их за пределы материнской кроны. Из каждой еловой шишки вылетает сто и более семечек, а всего гектар густого бора рассыпает на снег до десяти пудов посевного материала.

Расслабленные шишки весьма кстати для клестов: у них уже в теплом глубоком гнезде птенчики появились. Вовсю выводят трели покладистые снегири. Рассядутся, красногрудые, на крушину — и сразу преобразятся невзрачные кустики, будто румяные яблочки появились. Доверчив снегирь и уравновешен — подходи и любуйся ярким опереньем грудки, вороненой до блеска шапочкой, белым надхвостьем. Послушаешь и незамысловатую песенку: «жю-жю-жю». А рядом, на калине, свиристели вызванивают. Эта птичка не раскусывает ягоды, как снегирь, а глотает их целиком. Мякоть усвоит, а семена непереваренные разнесет по лесам и паркам, пособляя озеленителям расселять рябину, калину, крушину, шиповник и можжевельник. Это ль не полезная птица! К тому ж свиристель, красив собой: покрупнее воробья, одет в

ВОРОН

серо-коричневое оперенье, по низу хвоста проходит желтая оторочка, на шее заметен черный «шарф»; маковку украшает остро зачесанный хохолок.

На глубоких лесных речках с омутами кое-где заметны проломы льда. Это бобры лазы проделывают, на волю выходить стали, о весне проведать. Бобр заранее смастерил себе хатку просторную и живет в ней уж который год, не зная беды. Вход в сухую избушку под водой, а чтоб уровень воды не спадал, плотина сооружена. Седому бобру пропитания не занимать: ивы, осины, березы еще до холодов были разделены на чурки и хворостины, сплавлены и подтоплены ближе к хоромам. Кубометры лесоповала на дне: выбирай любую лесину к столу.

Возле комлей деревьев начинает подтаивать снег. Темные стволы, поглощая солнечную энергию, нагреваются, и там, где потеплее, затайки появились. Февраль — финал холодной зимы. Впереди — предвесенье.

Зима только еще на переломе, а уж аптека целительней стала, щедрей. Вот уж подходит срок и за сосновыми почками отправляться. Вон они коронками гнездятся на концах колючих ветвей. Каждая почка не что иное, как зачаточный побег, осмоленный, до поры до времени покрытый чешуйками и пленчатой верхушкой. Стоит только чешуйкам разжаться, а пленочке отпасть — целительная сила сосновых почек пропадает. Потому-то и ходят за ними до наступления истинно весенних дней.

Срезают запечатанные коронки с очень коротким кусочком стебля. Дома почки сушат под навесом или в хорошо проветриваемом помещении. Готовое сырье по виду розовато-бурое с приятным смолистым запахом и горьковатым вкусом. Хранить его надо в плотно закупоренных банках. Срок годности — год. Отварами из сосновых почек народные врачеватели издавна излечивали застарелые сыпи, внутренние нагноения. Применяли дары вечнозеленой сосны еще при водянке и ревматизме. Современная медицина рекомендует заготавливать сосновые почки для грудных чаев, облегчающих болезни дыхательных путей. Правильно высушенное сырье содержит смолу, скипидар, крахмал, дубильные вещества и минеральные соли. Все это ценное лекарственное сырье.

Сосну не зря величают жемчужиной русского леса. Это самая ценная промысловая порода: спелый древостой дает первоклассный строительный материал, сосновая хвоя идет на выработку витаминных концентратов, из живицы готовят канифоль и терпентинное масло, наконец, неделовая часть древесины идет на отжиг угля, который тоже бывает необходим для лекарственных целей. Вот почему сосну надо беречь и разводить, а если уж использовать, то разумно. За ее почками, кстати, лучше отправляться на лесосеки, где без вреда для живых деревьев срежем их сколько нужно.

А что представляют собой сосновые шишки? Это плоды дерева, в которых заключены семена. Созревают шишки на второй год после появления. Сосновые семена не только посевной материал, необходимый для восстановления леса, но и отличный корм некоторых птиц и зверьков. Высыпаются в конце зимы.

В парке «Архангельское» белки не прячутся от посетителей, а, наоборот, подходят к людям, чтобы из их рук принять угощение.

Доверчивы и бурундуки. Во время путешествий по дальневосточной тайге к нам ежедневно наведывался этот полосатый и очень подвижный зверек. Началось все с того, что после ужина мы не убрали в палатку продукты. Только сквозь могучие кроны пихт стали пробираться первые лучи солнца, раздался озорной свист бурундука. Где-то в стороне вторили ему всклики кедровок. Вдруг полосатый зверек метнулся в сторону лиственничного выворотня и скрылся в норе. Через некоторое время он вылез из своего убежища. Мы затаились в зарослях красной смородины. Грызун подбежал к палатке. Больше всего его интересовала крупа. Пришлось поставить на довольствие нашего маленького гостя.

Через несколько дней бурундук так привык к нам, что без стеснения забегал в брезентовый дом. Вскоре он стал настоящим попрошайкой — выклянчивал, а иногда и просто вырывал из рук подсолнухи, крупу, хлеб, фрукты и даже личинок насекомых, которых мы разыскивали в лесной подстилке.

Своим добрым отношением к обитателям природы можно завоевать доверие и среди других животных. Как-то в подмосковном лесу я увидел лося. Когда сохатый приблизился шагов на пять, мне стало страшно. Кто знает, что на уме у этого великана? Но опасения оказались напрасными. Достав из рюкзака кусок хлеба, я протянул его зверю. И в тот же миг ощутил бархатное прикосновение губ к рукам. Вытряхнув последние крошки и погладив голову сохатого, направился к выходу. Лось остался на месте, словно боясь показаться чересчур назойливым. Его умные глаза долго провожали меня, пока я не скрылся в зарослях лесного подроста. Лосю с детства, наверное, везло на добрых и отзывчивых людей, которые всегда делились с ним своей походной провизией.

На Кузьминских прудах москвичи не только любуются дикими утками, но и кормят их. Поэтому здесь на зимовку остаются сотни водоплавающих. Кряквам незачем стало улетать на юг. Птиц гонит с их родных мест не холод, а голод.

Пернатых можно привлечь и к своему дому. Для этого нужно знать, что снегири, например, кормятся семенами рябины, ясеня, клена. Чижи и чечетки — семенами березы и ольхи; свиристели — плодами боярышника, мелкоплодных сортов яблонь и других ягодных деревьев и кустарников. Посадите эти растения, и к вам будут прилетать пернатые зимовщики.

Можно приучить птиц прилетать к окну. В последнее время на балконах, карнизах, стенах, за окнами чаще стали появляться кормушки и искусственные гнездовья. И у меня на балконе с осени и до весны суетятся стайки синиц. Их я подкармливаю творогом, салом, подсолнухами, коноплей. Некоторые из этих птиц так привыкли ко мне, что без всякой боязни берут мучных червей из рук. Посещают кормушки и хохлатые свиристели, и красногрудые снегири, и серые, в черных шапочках снегурки.

Сколько радости и восторга бывает весной, когда на балкон прилетят скворцы! Первым появляется черный, в сине-зеленых отливах самец. С утра и до вечера оглашает он округу своими веселыми песнями. То чечевицей или иволгой засвистит, то курицей закудахчет, а то, глядишь, и козлом заблеет пернатый пересмешник. А за месяц до отлета скворцы снова возвращаются на балкон к своему опустевшему гнездовью, чтобы вслед уходящему лету пропеть прощальную песню.

Ю. НОВИКОВ

Фото С. Чевнырева

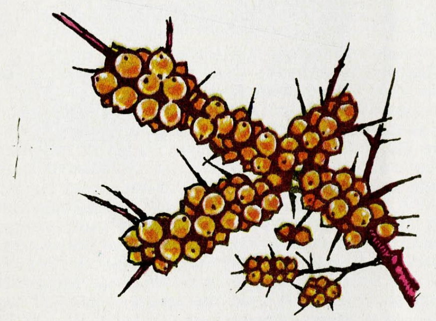

Вот уж когда облепиха промерзла! Ягоды затвердели так, что в руках не мнутся — только теперь и с веток снимать. А что мороз познобил — не страшно, от холода этот гостинец Берендея нисколько не страдает и даже вкусней становится.

Взгляните на облепиховое деревце не торопясь и подумайте: отчего оно так прозывается? Верно отгадали, плоды густо облепляют ветки — вот и «облепиха». Хоть и имеет каждый из них по ножке, но они настолько короткие, что золотисто-желтые шарики кажутся приклеенными к коре.

А теперь — как собирать этот урожай. Конечно, можно обойтись и без хитростей: снимать мелкие плодики один за другим — и в лукошко. Но так дело будет продвигаться не скоро. Лучше по-другому. Расстелите под деревцем прямо на снегу рогожку или другую ткань и легонько ударьте по стволу: мерзлые ягоды сами посыплются золотым дождем на подстилку. Где облепихи много, заготовители без большого вреда срезают часть плодоносящих веток и, собрав их в тяжелые пучки, отправляются к водоему. Там на льду и обмолачивают.

Ягоды облепихи целебны как в свежем, так и в консервированном виде. Но всего ценней масло, приготовленное из них. Оно помогает заживлять раны, а принятое внутрь — облегчает язвенную болезнь. Это «деревце от многих недугов» имеет хозяйственное применение: листья идут на дубление кож, а твердая древесина — на выточку симпатичных поделок. Так что всегда в любом саду облепиха окажется нужной и полезной.

АЗБУКА НАРОДНОЙ МУДРОСТИ

Февраль двуликий месяц: и лютень и бокогрей.
Январю-батюшке — морозы, февралю — метели.
Февраль воду подпустит, март подберет.
Комнатные птицы молчат — холод еще долго простоит.
Длинные сухие еловые веточки к метели сгибаются, к холодной погоде распрямляются.
Много инея висит на деревьях — будет много меду.
Воздух над лесом посинел — будет тепло.
Иней на деревьях — к морозам, туман — к оттепели.
Лес зимою красен — к оттепели.
Нет на свете дерева, что не шевельнул бы ветер.
Одно дерево еще не лес.
Береза и осина — няньки ели.
Лесу нет — и гриб не родится.
По насту грибов не берут.
Всякий зверь уходит, где лес валить станут.
По первой пороше медведя обходят.
Волки воют близ жилья — к морозу.
Царь птицам орел, а сокола боится.
Воробьи прячутся в хворост — на мороз или перед метелью.
Ворона сидит утром на верхушке дерева и каркает — к вьюге.

Полая вода бывает разного цвета. Иногда она коричневая, если под ней бурая лиственная прель, или сквозисто-стальная от размытой глины. Но чаще она бывает зеленоватой от молодой травы. В полметра стоит прогретая вода на пойменных лугах, а под ней, как под огромным увеличительным стеклом, уже виднеются нежные былинки, вскормленные солнечными лучами.

Одна из моих весенних радостей — наблюдать, как развивается в полой воде калужница, очень влаголюбивое, но, в общем-то, сухопутное растение. Ее мясистые стебли зеленым узлом лежат на дне протоки. Медленно распрямляются они, чтобы вынести на воздух плотно сжатый кулачок цветочного бутона. Этот бутон — круглый, как шлем водолазика-гнома — иногда раскрывается, не дойдя до поверхности воды один-два сантиметра. Странно наблюдать, как над цветком проносятся на своих проволочных коньках водомерки, а возле слипшихся тычинок крутится водный клоп-гладыш.

Пройдет два-три дня, и дружно распустившаяся калужница преобразит пойму ручья, зацветет на болотах, по-старому — калугах.

Это грубоватое, жилистое растение. Пять его крупных лепестков широко оттопырены в сторону. Гранистый стебель из бледно-зеленого становится у основания лиловым, с переходом в слабые красные тона. Большие листья словно небрежно выкроены из прочной материи. От яркого солнца, чтобы не перегреться, они сворачиваются в узкую воронку. Растение очень изменчиво — «полиморфно, как говорят биологи.

ГОЛУБИ ЛЕСНЫЕ И ГОРОДСКИЕ

Вяхирь (или витютень), клинтух и горлица — обычные наши лесные голуби. Горлицы живут в степях, по долинам рек в пустынях Северной Африки, Европы и Азии. От клинтуха и вяхиря, кроме малого роста, отличает их буроватая спина и монотонное приятное воркование: снова и снова повторяемое «турр-турр-турр».

Вяхирь — крупный голубь. На шее и крыльях у него белые пятна. Весной и в начале лета он громко и ритмично выкрикивает воркующие строфы: «гху-у-хуху... гху-у-хуху», разнообразя их время от времени шестисложной ворктней. Сидит вяхирь обычно на вершине большого дерева или на ветке у самого ствола. Взлетает косо вверх, хлопает крыльями и планирует, снижаясь к месту, где ворковал. Когда голубка прилетит, она, подражая птенцу, «выпрашивает» у голубя корм, полуприсев, трепеща крыльями и вытянув вверх клюв.

Клинтух похож на сизаря, но надхвостье темное (у сизого голубя — светлое). Воркует глухо и хрипло, много раз повторяя двусложное «ху-хуу».

А как выглядит сизый голубь, можете судить по его потомкам, когда-то одомашненным и вновь одичавшим. Тысячами они населяют города Европы, Азии и Америки.

Настоящие дикие сизые голуби пугливы. Селятся колониями на скалах, в горах и у моря или озер, по крутым берегам рек, в старых развалинах. В Египте, например, — на пирамидах, а в Англии — в кроличьих норах. Живут и в пустынях. На деревья редко садятся. Это быстрые птицы.

Все голуби воркуют. Многие еще и «гудят», шипят, свистят. Воркование — обязательный атрибут ухаживания, как и характерные позы, которые мы видим постоянно у сизарей, флиртующих на площадях и скверах наших городов. Но стиль воркования, тембр его и ритмика разные даже у близких видов голубей.

Когда строят гнезда и насиживают птенцов, разделение труда почти у всех голубей такое: самец собирает и приносит травинки и прутики (по одной веточке в клюве, как цапли и бакланы). Самка, сидя на месте, выбранном для гнезда, подсовывает их под себя и вокруг себя. Получается довольно небрежно сложенная рыхлая платформа из веток.

Отложив первое яйцо (обычно после полудня, ближе к вечеру), голубка стоит над ним, скрывая его от посторонних глаз.

Через день в гнезде появляется второе яйцо. Тогда и начинается настоящее насиживание. У голубей не принято кормить насиживающего партнера, поэтому они вынуждены менять друг друга. Голубь обычно сидит с утра до вечера (либо только до полудня), а голубка с вечера до утра. Если встретит голубь свою голубку не на гнезде, сейчас же летит к нему и садится, хотя «время смены еще не настало». Погибнет подруга, он будет бессменно сидеть два дня, а потом, гонимый голодом и жаждой, бросит гнездо навсегда.

...Но все обошлось благополучно: на восемнадцатый день появились на свет два голубенка.

К этому времени в мозгу родителей крохотная эндокринная железа, именуемая гипофизом, производит особый гормон лактации — пролактин.

Но голубям зачем он?

Чтобы зоб производил «птичье молоко»! Слизистые ткани его внутренних стенок под действием пролактина разбухают и как бы крошатся, наполняя зоб богатой жирами творожистой массой. У новорожденных голубят клювы относительно длиннее, чем у взрослых птиц. Специально, чтобы поглубже засунуть клюв в рот родителя. Родитель, отрыгнув, выдает птенцу порцию «молока».

Десять-восемнадцать дней (некоторые, возможно, и больше) кормят голуби своих младенцев, а потом малыши начинают есть семена и ягоды.

Многие голуби за лето выводят птенцов не один раз: клинтухи — четырежды, вяхири — трижды, горлицы — дважды. Поэтому хлопот у них много: опять ухаживание и воркование, опять гнездостроительство, заботы о пропитании первых птенцов — все почти одновременно. Бывает, что в одном гнезде (или около него) просят есть уже оперенные трехнедельные птенцы (их еще неделю-две кормить надо!), а в другом лежат яйца.

Дикие сизые голуби за год дважды и трижды выводят птенцов. А их городские потомки, если птиц регулярно подкармливать, размножаются, за исключением сезона линьки (август — ноябрь), почти весь год, даже зимой.

Неудивительно, что при такой плодовитости заполнили голуби многие города. Перепачкали пометом памятники, фонтаны, площади, фасады и карнизы домов, засорили желоба и водосточные трубы. В иных местах лежит такое «гуано» слоем в пять и больше сантиметров. А помет голубей опасен тем, что в нем может быть вирус орнитоза, опасного заболевания птиц! Некоторые голуби переносят тиф и другие болезни. Вот почему дети не должны играть там, где много голубей.

Чтобы отпугивать голубей от жилищ, применяют теперь разные хитрые электрические, химические, акустические средства. Но лучший способ прекратить их чрезмерное и опасное размножение, советуют некоторые зоологи, — не перекармливать голубей! От этого вред нам и им. Сытые голуби не только без меры плодятся, но и, привыкая к даровым ежедневным пайкам, перестают кормиться естественным образом. Не клюют сорняки. Жиреют. Теряют подвижность, обленившись, не улетают уже дальше полукилометра от мест подаяния. Болеют: мало витаминов и прочих нужных веществ в хлебе и каше, которыми их обычно кормят.

Если оценить чисто утилитарно городского голубя, то польза от него невелика: истребление сорняков там, где голуби еще этим занимаются. Мясо их годится на жаркое, помет на удобрение.

Сизый голубь — родоначальник 140 разных пород домашних голубей. Пять тысяч лет назад их разводили уже в Египте и Вавилоне. Почтовые голуби появились позже, по-видимому в V веке до нашей эры. Египтяне, древние греки и римляне посылали голубей с сообщениями.

Современные почтари — не прямые потомки древних. Их вывели гибридизацией разных пород больше ста лет назад в Бельгии. Тренировкой и умелым отбором добились селекционеры поразительных результатов: лучший современный почтовый голубь пролетает за день тысячу километров!

Голубиная почта имеет почтенную историю. Но и в наше время, несмотря на новейшие средства связи, голуби несут почтовую службу. В одной лишь Англии больше миллиона таких голубей. Пятая их часть, «призванная» в армию, принимала активное участие в минувшей мировой войне. Голуби передали немало разных сообщений. Агентство Рейтер, которое еще в середине прошлого века пересылало письма с почтовыми голубями, в 1962 году, испробовав искусственные спутники, вновь обратилось за помощью к голубям. Они оказались наиболее быстрым и удобным средством для передачи коротких информаций через районы больших городов, на улицах которых постоянные «пробки» задерживают движение.

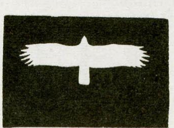
В последние годы многих любителей привлекают спортивные состязания голубей, начало которым было положено еще в 1825 году в Бельгии. В состязаниях главное для птицы — вернуться домой возможно быстрее, и часто лишь последние секунды многочасового полета приносят лучшим голубям победу.

Голубей выпускают обычно в определенном направлении от дома, на одном из этапов какого-нибудь традиционного маршрута. Знатокам этого вида спорта хорошо известно, что быстрее и увереннее возвращаются по маршруту те птицы, которые уже не раз по нему летали.

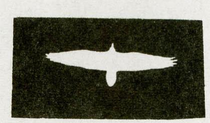
Таков основной способ обучения почтовых голубей. Сначала птиц выпускают недалеко от дома. Потом это расстояние все увеличивают и увеличивают. Тренировки должны помочь птице изучить все ориентиры на маршруте и направить ее полет вдоль узкого коридора хорошо знакомой местности.

И вот заключительный курс науки: голубя увозят за сотни миль от конечных звеньев изученного им по частям маршрута. Поднявшись в воздух, он не должен видеть привычных ориентиров, но птица быстро их находит и летит к дому уже по знакомой трассе. В США есть гоночные маршруты протяженностью тысячи километров и есть тысячи голубей, которые отлично «вызубрили» каждый их поворот.

И. АКИМУШКИН

Рвется турман в облака

Из голубей больше всего люблю я русских почтовых. Как приятно с замиранием сердца следить за слитной стаей, когда, рассекая упругий воздух, поднимается она над крышами высотных домов и, превратившись в едва заметные точки, словно растворяется в ярких солнечных лучах. Тут уж жди, волнуйся, пока не появится вдали первый гонец, а следом закружатся над голубятней остальные почтари. Правда, волнения напрасны, и ты знаешь это, не впервой дальним странникам возвращаться на обжитое место, но ожидание всегда трогательно, всегда несколько тревожно.

Красивые, стремительные птицы русские почтовые. Недаром слывут они рекордсменами дальних перелетов. Да и скорость завидная. Порой отдельные птицы преодолевают за час и сто километров. Вот откуда их рекорды. Практически хорошо тренированный голубь может за световой день пролететь больше тысячи километров. А самое главное, не сбиться с пути, точно отыскать место назначения. Из-за таких блестящих навигационных способностей и стали эти голуби почтальонами. Голубиная почта была развита в России. Москва — Петербург, Киев — Одесса — вот малая толика маршрутов голубиной почты. И твердо можно сказать, что пернатые ошибались редко, действовали точно, безотказно, вовремя доставляя адресату корреспонденцию.

Как ни хороши почтовые, но теперь нельзя представить голубиный мир без других, декоративных пород. Сколько их? Уйма. Всех трудно перечислить.

Это турманы, трубочисты-барабанщики ленточные, чистые варшавские, курские лохматоногие. У курских на лапах вырастают перья, и чем длиннее перья, тем голуби ценятся дороже. Монахи-капуцины с черными головой и хвостом, сзади головы хохол как бы обхватывает всю верхнюю ее часть. Крестовые монахи, у которых, помимо черного хвоста и головы, концы крыльев тоже черные. Ржевские чистые, с длинным тонким носом, с дымчатыми перьями на крыльях. Чайки китайские, удивительные птицы. Небольшого размера, все дымчатые, с маленьким носом. На груди, как бы разрезая ее пополам, перья расходятся в разные стороны, образуя очень красивую манжету. Разновидностей чаек много. Здесь и красночистые, и черночистые, и желтые. Особенно хочется отметить чаек, выращенных в Омске, Новосибирске и других городах Сибири. Красночистые, сире-

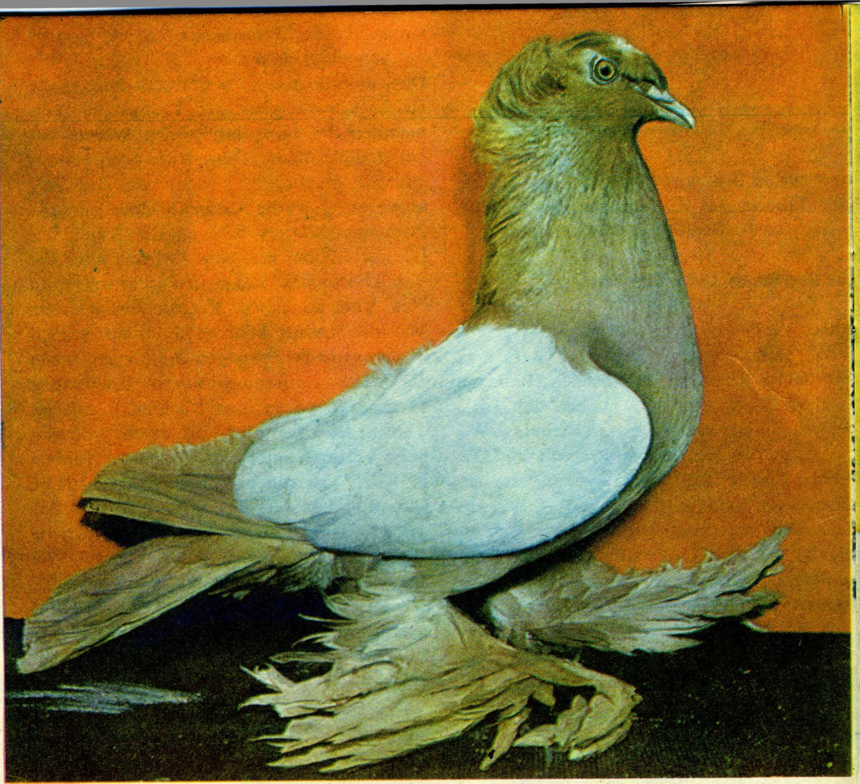
Голубь-кошуа, отличающийся удивительной окраской, был выведен во Франции. Только после второй мировой войны эту породу с успехом стали разводить и в соседних странах.

Ближневосточные чаечки принадлежат к самой благородной породе голубей. Но им для выращивания птенцов нужна «няня», потому что у этих птиц очень короткий клюв.

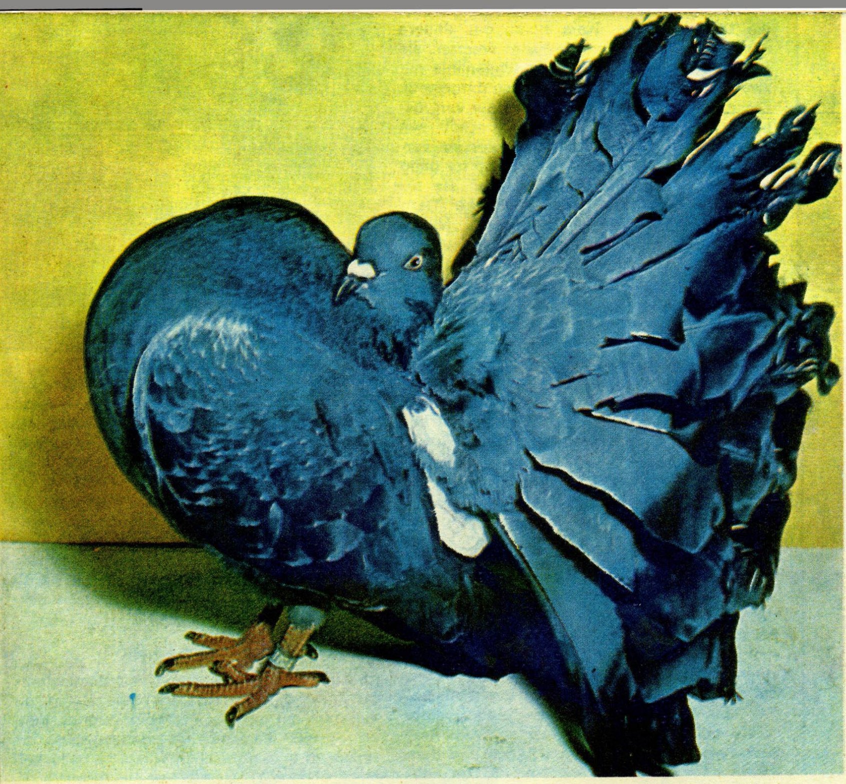
Вяхирь (витютень) — лесной голубь. Эта порода дикая.

Так называемая сорочья окраска встречается у голубей различных пород. *На фотографии* — желтый датский космач сорочьей окраски.

Вероятно, самой известной породой домашних голубей является голубь-павлин. Современные голуби-павлины выведены в Англии и Германии.

невого цвета, черночистые, белые. Там эти голуби крохотного размера, голова у них полукруглая, с коротким толстым и немного загнутым клювом. На ней красуется белый бант, как бы напоминая очаровательную розу. Вокруг шеи сзади и сбоков перья расходятся в разные стороны. Вот уж и впрямь роза в обрамлении листьев.

Якобинцы — средней величины голуби. Родина их Индия. Встречаются белые с красными перьями на боках. Или сплошь красные. Голова у них небольшая, вытянутая в направлении клюва. На длинной тонкой шее расходящиеся во всех направлениях перья образуют завитки и сборки.

Ростовские красные и другие голуби этой породы, а их очень много, отличаются своим экстерьером. Маленькая круглая головка оттянута назад по корпусу, грудь выходит вперед, хвост пушистый, приподнятый вверх, так что иногда голова сходится вместе с хвостом, крылья опущены вниз и длиннее туловища наполовину. Летают эти голуби, как жаворонки, зависая высоко в небе. Порой висят по нескольку часов или порхают, как бабочки. Есть у них еще одна особенность. Одни из них умеют садиться на хвост и спускаться как бы на парашюте, другие кувыркаются через хвост. Некоторые делают до 16—20 кувырков, что очень ценится голубеводами.

Дутыш — крупный голубь, высотой до 40—55 сантиметров, с сильно развитым зобом, который, словно шар, надут воздухом.

Немецкие выставочные: красные, белые, рябые, сиреневые, желтые, с большой головой, толстым крепким клювом, чуть загнутым вниз, напоминают орла своей осанкой и острым взглядом. Взлет у них очень тяжелый; летают они не очень охотно, но при правильном режиме можно добиться неплохих результатов гона.

Вот сколько всевозможных пород голубей! Для любителей выбор большой. Но прежде чем вы, юные друзья, решите завести у себя этих птиц, крепко подумайте. Не для того устраивают голубятню, чтобы лазить по крышам домов, свистеть в три пальца, поднимая стаю, и радоваться, если вдруг подобьется к ней красивый чужак. Нет, голуби приносят истинную радость очарованием полета, верностью своему дому, несхожестью характеров. Да, каждый из них — это целый мир, открытие которого доставляет настоящее удовольствие. И конечно, разведение голубей, воспитание молодняка — дело очень хлопотное, трудоемкое.

Помещение для пернатых питомцев должно быть сухим, чистым. Его необходимо часто проветривать, всячески избегая при этом сквозняков. Выход из голубятни в нагул делают небольшим, обязательно с закрывающейся дверкой. Сам нагул огораживают металлической сеткой, наверху мастерят хлопушку для выпуска птиц на крышу, на шест. В голубятне устраивают специальные гнезда, где каждая пара выращивает птенцов.

Пить птицам дают в разной посуде. Поилку можно сделать из цветочного горшка, литровой банки, тарелки.

Для кормления делают различные кормушки. Самая простая — кусок фанеры, обитый по краям планками, но есть и достаточно сложные конструкции, куда засыпают корм на целую неделю и он постепенно автоматически поступает голубям.

Кормом служат овес, пшеница, просо, кукуруза, горох, чечевица, конопля. У голубеводов есть свои рецепты для кормления. Многое зависит и от того, в какое время года и каким голубям что давать. Для почтовых голубей, например, нужна во время гона такая смесь: овес, чечевица, конопля; во время кормления: пшеница, просо и конопля.

Голубям для перетирания пищи в желудке требуется песок, в котором есть мел-

кие камешки. Бьют кирпич на мелочь и высыпают на кормушку. Голубь, проглотив камешки, оставляет их в зобу, где они хранятся до одного года.

Итак, вы подготовили помещение. У вас есть голуби, появился и молодняк. Он начинает потихонечку трясти крыльями, подлетать, делать маленькие круги вокруг нагула, постепенно удаляясь следом за родителями все дальше от него. Голуби начинают привыкать к своей крыше. Очень важно, чтобы стая была как можно однороднее, чтобы не было слабых голубей, которые не могут выдержать заданное вами время в воздухе. Если одна из птиц станет садиться на крышу дома, ее надо удалить из стаи. И тренировать отдельно. Относить голубя подальше от дома и подкидывать в воздух, чтобы он летел назад.

Чтобы приучить голубей летать определенное время, на шесте вывешивают красный лоскут и держат там до назначенного срока. Сигналом для посадки послужит стае отсутствие лоскута на палке.

Много радости доставит истинному голубеводу занятие с пернатыми воспитанниками. Только не в каждом дворе можно устраивать голубятни. Помните, что для этого обязательно разрешение райжилотделов, необходима помощь взрослых.

А. БОЛОТОВ

Датские турманы бывают разнообразной расцветки и формы. Этот голубь черного цвета. Раньше они были спортивными и показывали свое искусство, кружа 1—2 часа на высоте 100—150 метров. Сейчас это декоративная порода.

Голубь из Гронинга принадлежит к самой старой в Европе породе. Он был описан еще в XVI веке. После второй мировой войны осталось лишь семь голубок и один голубь этой породы. Но сейчас можно уже говорить о том, что их род будет продолжаться.

Голуби любят солнце и охотно сидят перед голубятней. Поэтому выход всегда должен быть с южной или юго-восточной стороны.

Этот черный голубь принадлежит к карликовым дутышам. Они имеют особенность наполнять свой зоб воздухом и сохранять его там по желанию довольно долго.

С утра до вечера бродят маралы по таежным лесам, разыскивая пищу: ветки, хвою, кору. Даже в пасмурную погоду и сильный мороз идут они не спеша по снегу. А если испугаются, убегают галопом Свой летний яркий рыжевато-коричневый наряд сменили они на зимний — сероватый или буровато-желтый.

Мы продолжаем печатать главы из книги американского писателя А. Т. Сандерсона «Там чудеса...», которая готовится к печати в издательстве «Мысль».

Айвен Сандерсон говорит, что никто не возьмет на себя смелость с ответственностью утверждать, что на нашей планете все познание исчерпало себя. Нельзя видеть сверхъестественное во всем непонятном. Автор ведет читателя от мифа к факту, от домысла к осмыслению собственного наблюдения. И каждый раз, не навязывая своего мнения, он как бы говорит нам, что необъяснимого нет, есть еще только необъясненное.

ВОДЯНЫЕ ЛЮДИ

Я много лет накапливал зерно к зерну то, о чем теперь, набравшись уверенности, наконец-то решился рассказать. Необходимо, однако, подчеркнуть, что о таких вещах охотно говорят лишь немногие: неафриканцы редко бывают их очевидцами, а африканцы об этом стараются умалчивать.

В 1932 году пост официального резидента британского правительства в Южном Камеруне занимал мой знакомый Н. Х. Клеверли, который и поведал мне о первом таком случае.

Так вот, однажды сержант местной полиции, вернувшийся из области Ибибио, явился в резиденцию Клеверли в Калабаре и доложил, что в некоторых деревнях «нехорошо», африканцы не желают платить налоги.

Резидент поручил окружному офицеру произвести расследование. Тот, будучи человеком очень занятым, перепоручил дело своему заместителю, а этот, в свою очередь, кадету.

Сопровождаемый сержантом из туземцев, кадет отправился на байдарке в самую гущу болот страны Ибибио, где любой, кроме местных жителей, немедленно бы заблудился. Выбравшись, наконец, на сушу, они прошли через густые заросли к главной деревне тех, кто уклонялся от уплаты налогов. Но деревня оказалась совершенно безлюдной, брошенной населением. Даже вездесущие собаки и домашние обезьянки и те бесследно исчезли.

Удивленные и несколько обеспокоенные безлюдьем, кадет и сержант направились к другой деревне, но и она оказалась совершенно пустой. И еще две другие тоже.

Все эти населенные пункты находились на небольшом острове, окруженном ручьями и речками. В том краю люди передвигаются только на лодках, а тропы служат лишь для того, чтобы дойти от причала до середины острова, где обычно и бывает расположена деревня. Из центра острова тропки, как правило, расходятся во все стороны по радиусам Все это унаследовано от старых времен работорговли.

Не застав никого, кадет решил, что жители могли скрыться только на лодках. Он послал своих людей в деревню по одной тропе, чтобы затем они разошлись в стороны по радиусам Сам же тем временем собирался на байдарке обойти остров вокруг в надежде изловить нарушителей закона.

Тщательно продуманная кампания, однако, привела к совершенно неожиданным результатам. Во-первых, как ни странно, у берегов оказалось полным-полно лодок. На месте не было только одной маленькой байдарки. Рассерженный сержант решил прочесать остров куст за кустом. И тут ни живой души. Сержант был крайне подавлен. Он попросил разрешения сбросить форму и одеться по-местному. Так он намеревался добраться до ближайшей «несбежавшей» деревни и расспросить там жителей. Но в пути он повстречал нескольких человек, возвращавшихся в деревню из дальней поездки. Они заявили, что ничего не знают о происшедших событиях. Поверить этому было невозможно: африканцы всегда поддерживают связь с родной деревней, пользуясь тамтамами, даже если они забрались далеко

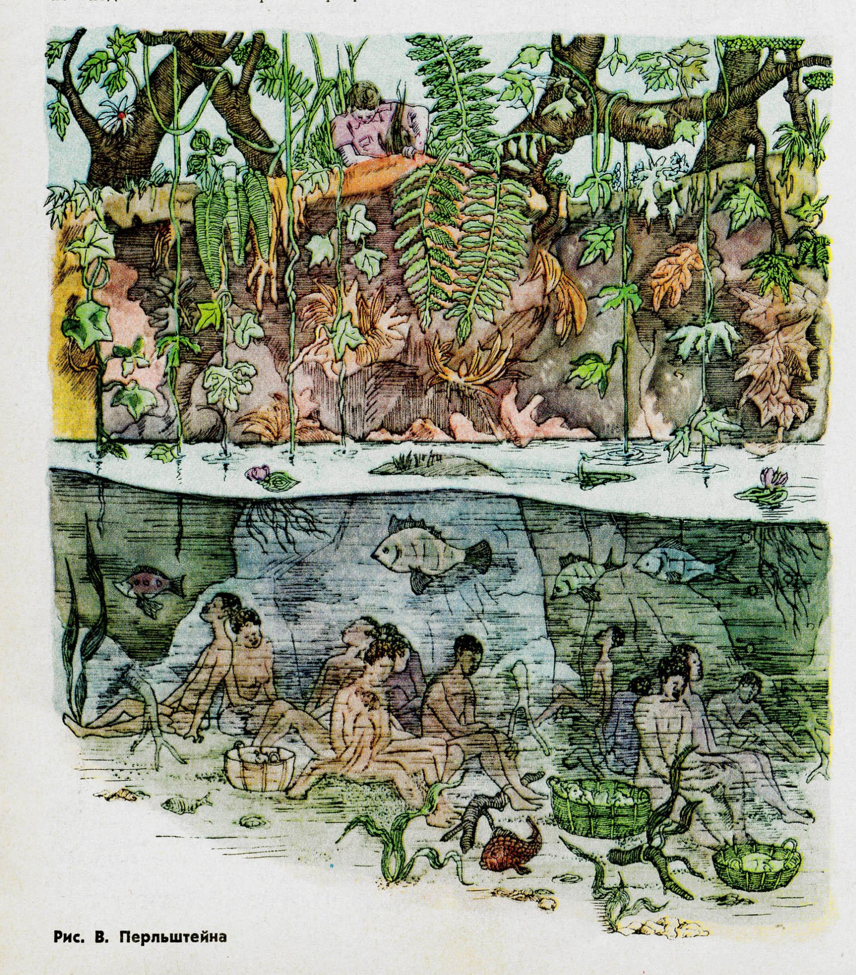

Рис. В. Перльштейна

в гущу лесов. Сержант стал угрожать, и они признались, что знают, куда спрятались жители деревни.

Вернувшись на остров, они пошли по едва заметной тропке к ручью, где не было ни лодок, ни пристани. Берег в этом месте нависал над водой. Сверху вода просматривалась неплохо: ручей в отличие от большинства других здешних протоков, имеющих густую мутную красно-коричневую окраску, был прозрачным. Вершины склоненных деревьев почти касались друг друга. Провожатые сказали сержанту, чтобы он лег над обрывом и посмотрел вниз.

А увидел он вот что: все население деревни — мужчины, женщины, дети — сидели на дне реки, недвижно прислонившись спиной к крутому берегу, и казались спящими. Собаки и домашние обезьяны лежали рядом в лукошках.

Сержант, применив немного дипломатии, уговорил своих пленников следовать за ним в деревню. Там их снова связали и оставили под надзором двух посыльных из суда, которые сопровождали «экспедицию». А сержант повел кадета на берег ручья.

Увидев деревенских жителей под водой на глубине примерно 2,5 метра, кадет приказал сержанту спуститься и разбудить их. Сержант безуспешно пытался растрясти сидящих под водой людей. Никто из них не «проснулся». Все они оказались прикрученными «таи-таи» (лианами) к корням деревьев, выступающим по склонам берега.

Тут молодой человек, очевидно, потерял голову: он бросился к своей байдарке и, оставив сержанта «старшим», помчался в Калабар. Проявления трусости в этом видеть отнюдь не следует. Просто он стремился любой ценой срочно доложить начальству о происшедшем. Возможно, он хотел, чтобы еще один белый подтвердил его донесение.

По-видимому, доклад не был принят отрицательно. В бумагах зафиксировано, что кадет вернулся в лес в сопровождении помощника начальника округа и других должностных лиц. Но ко времени прибытия новой группы свидетелей сержант уже выгнал всех людей на работу и собрал с жителей налоги. Или кадет второпях не приказал сержанту подержать местных жителей под водой до своего возвращения, или же тот такой приказ нарушил. С другой стороны, по сигналу своих собратьев, задержанных полицейским на берегу, люди могли вылезти наверх, когда белый удалился.

...Есть у меня друг — Джеффри Горер, видный социолог и вообще интереснейший человек. Вот что он мне поведал.

Как-то он поехал в Сенегал вместе с одним тамошним уроженцем. По прибытии на место спутник сказал, что ему хотелось бы показать Джеффри один народный обычай. Они взяли лодку и вышли в море.

Множество лодчонок покачивалось на волнах. Рыбаки вытаскивали одну за другой корзины с устрицами, крабами и другими обитателями дна. А по дну... бродили местные жители, собирая устриц, совсем как в наших краях собирают землянику, и спокойно укладывали добычу в спущенные сверху на веревке корзины. Единственное отличие — к лодыжке у них был привязан камень, удерживающий сборщика на глубине. Рыбаки сказали, что каждый ныряльщик бывает под водой до получаса.

Выслушав Джеффри, я обрушил на его голову бездну вопросов. Среди них главным был такой: каким образом сборщики устриц ухитрялись столько времени не подниматься на поверхность?

— Они принимали что-то, какое-то средство, — ответил он.

Лично я к таким объяснениям отношусь с подозрением, особенно когда «лекарством» стараются объяснить чуть ли не все на свете. И все-таки следует признать, что в этом есть какой-то смысл, особенно если другого объяснения нет.

Итак, «гуляние под водой» могло быть результатом применения каких-то «лекарственных» средств, но все, с кем мне случилось обсуждать эту странную историю, особенно жители Западной Африки, казалось, склонялись к другой версии, к тому, что столь неточно именуют гипнозом. Такое предположение более подходит к первому из описываемых случаев, когда люди вели себя под водой пассивно. Впрочем, пришло время сказать несколько слов о том роде явлений, которые неспециалисты обычно сваливают в одну кучу и называют «гипнозом».

Факирский трюк — вылезать живехоньким из «могилы», куда его закапывают при стечении публики, — отнюдь не нов. Тому есть множество официально составленных свидетельств. У меня у самого хранится в архиве копия такого доклада пяти ведущих врачей британской колониальной службы. Перед публикой выступал мексиканец, по-видимому, индейского происхождения. После подробного медицинского осмотра он был закопан на 24 часа. На его «могилу» вывалили два грузовика глины. Все это происходило прямо на главной площади столицы Гондураса в присутствии чуть ли не всего населения.

Доктор Рекс Чевертон рассказал мне, что, по его мнению, состояние факира

нельзя назвать каталептическим, хотя пульс его и был весьма слабым, дыхание различить было почти невозможно.

Действительно ли он совсем прервал процесс дыхания на время или же только снизил его интенсивность до такой степени, что опытный медик не смог это обнаружить — не знаю, но он просуществовал в таком состоянии двадцать четыре часа. Если это смог сделать факир, то нет причины сомневаться, почему бы целая деревня не сумела овладеть таким искусством. А что может быть лучшей защитой от вечных набегов работорговцев, чем умение прятаться от них под водой.

А как же те люди, которые собирали ракушки в соленой морской воде? Здесь-то, очевидно, никакого каталепсиса не было, конечно, если только...

Недаром тот, кто показал мне этих людей, был африканцем. Он как бы невзначай упомянул, что им известны способы, как задерживать ток крови, регулировать ее циркуляцию.

Мне и самому не раз случалось быть свидетелем, как люди задерживали у себя циркуляцию крови. Один мой соученик по школе, сидя за столом, развлечения ради вырезал у себя на руке свои инициалы. Кровотечение вызвало у всех немало беспокойства. Но он заявил, что сейчас его остановит. Так и сделал. Стоило ему салфеткой хлестнуть по ране, как тут же кровь остановилась. Остался лишь багровый и глубокий надрез. Позже вечером мы попросили показать нам порез. Он почти совсем закрылся, был сухим и бескровным.

Словом, я согласен в качестве объяснения и на каталепсис, и на умение контролировать те или иные функции организма. Правда, не могу понять, откуда черпали рыбаки-сенегальцы столько энергии, чтобы поддержать свою напряженную подводную жизнь, когда они собирали моллюсков.

Но главная трудность для меня не в этом. Я никак не могу найти жителя Западной Африки, который снабдил бы меня добавочной информацией. Можно было бы предположить, что такие истории представляют безбрежные возможности для лгунов и любителей «охотничьих» рассказов. Может быть, это чрезмерное вранье, а может быть, это просто... правда.

В любом случае я решительно настаиваю, чтобы все, связанные с этими событиями, подвергались скорейшему изучению.

А. САНДЕРСОН

Перевел с английского Б. Силкин

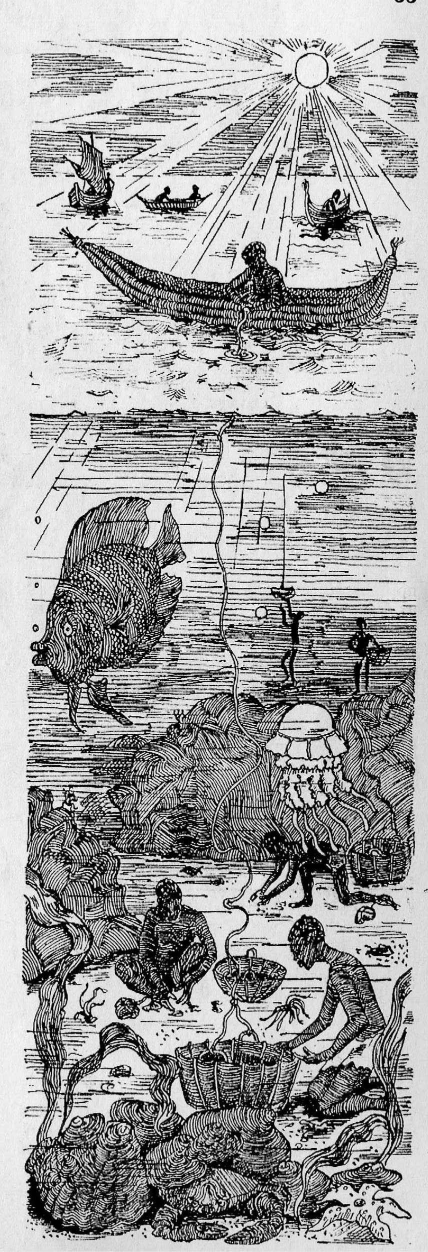

Рис. В. Карабута

— Друзья мои! Позвольте открыть заседание Клуба Почемучек.
— Здравствуйте, барон Мюнхгаузен!
— Прервать такое начало...
— Но... Но вы не заметили меня, Мюнхгаузен.
— Да, но извольте назвать себя, юноша. Из какой вы явились сказки?
— Я не из сказки. Я из Клуба. Меня зовут Почемучка всех Почемучек, потому что я представляю всех членов Клуба и буду помогать вам, Мюнхгаузен.
— Славно придумано, мой юный друг. Немедленно приступай к делу. Скажи, что ты умеешь?
— Приносить на заседание Клуба большую почтовую сумку «Сто вопросов, сто ответов», показывать фотографии на выставке-загадке и... задавать любопытные вопросы.
— Великолепно! И пока вполне достаточно. Начнем с твоей почтовой сумки. Что в ней сегодня?
— Письма членов нашего Клуба.

Тортила, Шуша, Катя и другие

Кого только у нас не было! От огромного метрового варана до крошечного полевого мышонка. Черепахи жили у нас очень часто. Однажды их было сразу шесть. Самая большая — старуха Тортила, самая маленькая — Крошка, с еще мяконьким панцирем. Кроме варана, у нас жили ящерица-круглоголовка и степная ящерица агама. Были у нас и желтопузики — безногие ящерицы, похожие на змею. Я хорошо помню первую — Шушу.

Жили у нас и птицы. Больше всех запомнились мне сороки, веселые, общительные птицы. Об одной из них, Кате, я и хочу рассказать.

Когда нам ее принесли, я очень удивилась, увидев довольно большого, но совершенно голого птенца с огромной головой. Назвали мы сорочонка Катей.

Необыкновенно прожорливая, Катя росла не по дням, а по часам. Через неделю у нее пробились перышки, и скоро она уже могла самостоятельно летать, путешествовать по комнате. Совсем ручная, она на свое имя сразу откликалась и, крича и трепеща крылышками, прыгала навстречу. Вскоре отовсюду, куда мог попасть Катин длинный любопытный нос, пришлось убрать все блестящее и яркое. Мы решили выпустить Катю на улицу. Сорока была очень рада: носилась по двору, а потом вдруг останавливалась, увидя что-нибудь интересное, смотрела, поворачивая головку и блестя бусинками глаз, тихонько каркала, будто спрашивая: «Ой, что это?»

Катюша могла летать куда хотела, но очень редко улетала со двора. Стоило крикнуть: «Катя! Катя!» — она сейчас же отвечала и садилась на голову.

Катюша стала общей любимицей. Она никого не боялась, но любила только нас. Иногда мы играли в «пятнашки». А «пятной» была Катя. Она скакала между ногами, норовя клюнуть, а клюв у нее был очень крепкий!

Катька была ужасной озорницей. Обедала она вместе с нами за столом.

Сидела всегда на одном и том же стуле: это было ее место, и никто не должен был на него садиться.

Лена БЛАНК

Чимкентская область
Казахской ССР

Вместо пяти — два

Задумали мы вывести комнатный лимон, чтобы давал плоды не на пятый год, как обычно, а на второй.

Выбрали самый урожайный куст и с него 15 августа нарезали черенков (листья обрезали). Затем приготовили гетероауксиновую жидкость и поставили в нее черенки. Через четыре часа черенки высадили в теплице. Поливали через каждые два дня. Первого сентября на черенках появились листочки. Из 300 черенков 267 укоренились. Растения перезимовали в теплице.

Седьмого апреля перенесли укорененные растения в открытый грунт. Растения хорошо прижились. Листья потемнели, выросли и начали куститься. Летом поливали лимоны три раза в неделю — рано утром или поздно вечером. Давали дополнительное питание в виде азотистого удобрения. Осенью уже заметно стало — растения крепкие, здоровые!

Двадцать первого ноября саженцы осторожно вырыли и перенесли на зимовку в теплицу. Растения хорошо перезимовали. Поливали их три раза в неделю, давали органические удобрения.

Весной, двадцать пятого апреля, перезимовавшие растения опять перенесли на учебно-опытный участок. Растения быстро росли. Двадцать семь саженцев зацвели. После цветения выяснилось, что только у двух растений оказались плоды.

Осенью лимоны пересадили в большие ящики и поместили в теплицу.

Суровая была зима. В открытом грунте все лимоны погибли, а наши, опытные, остались невредимы. Уже пятнадцатого февраля на саженцах появились бутоны, а первого марта лимоны стояли в цвету. В конце апреля растения, которым было два года и восемь месяцев, дали плоды.

Наши лимоны на третий год дают плоды, тогда как обычно плоды появляются только на пятый. Один такой лимон, выведенный нашими руками, находится на ВДНХ в павильоне «Юные натуралисты и техники».

Мери НАКАШИДЗЕ,
Марина АНГУЛАДЗЕ

г. Батуми

— Тот, кто успел побывать на заседании Клуба в январе, видел первую фотозагадку на нашей выставке. Отвечает Галя Толкачева — она же прислала и загадку.

Вот так встреча!

Проснешься утром и видишь, трава покрыта белым инеем. Цветы в палисаднике поникли — замерзли. Лужица у ворот покрылась тонким ледком. Осень! И вот в такое утро пришла я в лес. Немного холодно. Тихо. И вдруг какой-то шорох. Наверное, мышь. Я прошла еще немного, и тут увидела картину, которую и прислала вам. Не правда ли, хорошая семейка? В траве грибы и земляничка. Осенью встретить их, поверьте, очень приятно.

Галя ТОЛКАЧЕВА

село Шегарка
Томской области

— Мой новый друг Почемучка! Ты отлично справился с первой задачей. Быть может, ты удивишь нас и любопытным вопросом?

— Я готов, Мюнхгаузен. Мои вопросы, конечно, начинаются с «почему?». Почему птицы спокойно садятся на провода высокого напряжения?

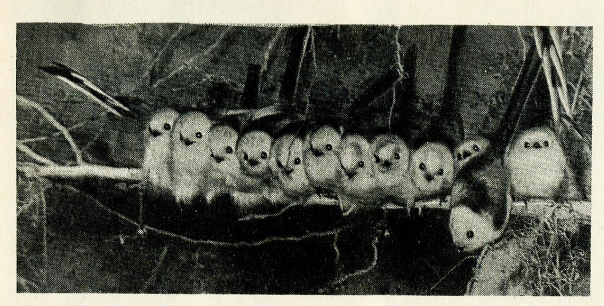
Почему небо то синее, то черное?

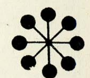
— Извольте, Почемучки, ответить на эти вопросы.

Теперь ваше слово, Мюнхгаузен!

— Да, да. Мне, кстати, вспомнилась недавняя прогулка. Я встал на лыжи, и они понесли меня по пушистому снегу. Кажется, я задремал. Надо сказать, что

заблудиться я не мог. Мои лыжи непременно вернутся домой, ибо я смазал их особой мазью. Итак, я продолжал свою прогулку, как вдруг лыжи остановились как вкопанные. Мои умные лыжи заметили лесную беду. На снегу валялись мертвые птицы. Не раздумывая, я собрал их в мешок и повернул к дому. Положив мешок у печки, я бросился вызывать Айболита. Но каково же было мое удивление, когда я, вернувшись в комнату, увидел живых птиц! Пичуги оттаяли и запели. Я настежь распахнул окно и выпустил птиц.

— На мороз?

— Что делать, мой друг! Птицы не любят клеток. Но, как я уже говорил однажды, опыт, приобретенный тяжелым трудом, делает человека умнее. Я попрошу Ю. Б. Шибнева рассказать Почемучкам о жизни птиц зимой.

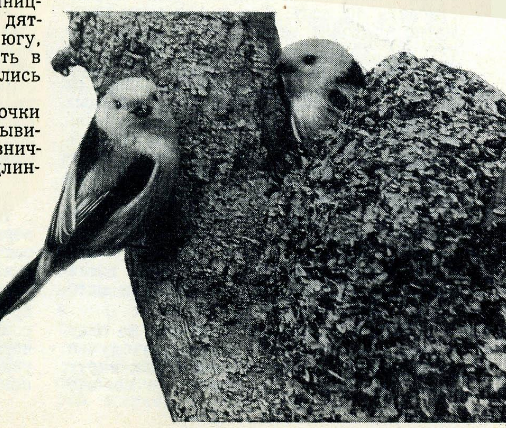
В трудную пору

Сейчас, когда в лесу зима, особенно трудно птицам.

В лесу редко слышен писк синиц-гаичек, розоватых чечеток, стук дятла. Большинство птиц откочевало к югу, и только немногие, способные добыть в это холодное время себе корм, остались зимовать у нас.

Вот мимо, как маленькие комочки снега, пролетают с коротким отрывистым писком стайкой птички ополовнички. Пухленькие, светленькие, с длинными хвостами, они забавно повисают на веточках, осматривая со всех сторон ветки, и отыскивают спрятавшихся под корой и почками зимующих насекомых. Так в поисках корма у стайки незаметно проходит зимний короткий день. Но впереди длинная и холодная ночь. И «компания» ополовничков ищет себе для ночлега укромное местечко, защищенное от ветра и создающее маленький уют. Обычно это обрыв берега реки с нависающим козырьком земли, переплетенный корнями деревьев. Вот сюда с заходом солнца всей стайкой прилетают на ночевку эти красивые птички. Чтобы было теплее, они усаживаются рядком на какой-нибудь один корешок под навесом и плотно прижимаются друг к другу. У каждой стайки свой облюбованный обрыв, на котором они проводят каждую ночь. Так проходит день за днем, пока весна не вступит в свои права.

В конце марта кругом еще лежит снег, днем он подтаивает на солнце, а ночью покрывается ледяной коркой. Птички уже в это время разбиваются на пары и приступают к постройке гнезд, а на ночлег все еще слетаются из разных уголков леса на свое постоянное место. С утра до вечера они копошатся в какой-нибудь понравившейся развилке дерева, таскают сюда мох, кусочки коры деревьев. Все это скрепляют

волокнами коконов, сплетенных гусеницами, и маскируют лишайником обычно с этого же дерева, так что гнездо трудно отличить от нароста. Когда наконец стенки гнезда готовы и для входа оставлено всего лишь небольшое отверстие, расположенное сбоку, чтобы в гнездо не попадал дождь, птички начинают утеплять гнездо перьями птиц, погибших от лап хищников, линной шерстью оленей и косуль. Нередко случается, что во время постройки выпадает снег и иногда почти целый день белеет шапочкой на еще недостроенном гнезде. Но теплые лучи весеннего солнца быстро растопляют его, и птички вновь принимаются за дело. В свое маленькое, но плотное гнездышко трудолюбивые птички натаскивают до двух тысяч перьев рябчиков, дятлов и других птиц.

Через 2—3 недели гнездо наконец готово. С этих пор птички больше не летают на общую ночевку, а проводят ночь в своем гнезде. И даже после того, как появится первое яйцо и вылупятся птенцы. Приходится удивляться, как эти птички с длинными хвостами помещаются в таком маленьком гнездышке. Ведь потомство у них немалое — 8—14 птенцов. И неудивительно, что у самки после долгого пребывания в гнезде хвост становится сильно изогнутым.

С появлением птенцов у взрослых птиц забот прибавляется. Прожорливых малышей нужно досыта накормить, согреть, поддержать чистоту в гнезде.

Если за час родители вместе кормят птенцов до 43 раз, то за день они прилетят с кормом 336 раз.

Когда птенцы вырастут и покинут гнездо, вся семья отправляется странствовать по лесу. Так в кочевках незаметно проходит лето, осень, и вновь подступает холодная, голодная зима. Для птенцов это первая зима в жизни и, может, самая трудная. Многие гибнут от голода, холода и хищников, в живых остаются наиболее сильные и выносливые. Чтобы было легче переносить различные невзгоды, отдельные семьи собираются в одну общую стаю — вместе легче находить корм, веселее проходит день и незаметнее пролетает длинная зимняя ночь.

— Полагаю, вы уже успели взглянуть на эти картинки. Любопытна история появления этих рисунков.

Дело было осенью. Я бродил по саду, размышляя, чем бы удивить Почемучек. Ничто не нарушало тишину. Как вдруг: «ж-ж-ж». Нет, на пчелу не похоже. «Тук-тук-тук». И на дятла не похоже. Так кто же тут? Странного вида человечек (весь из болтов и шурупов) что-то строгал, пилил, прилаживал, совершенно не замечая меня. Мне пришлось его окликнуть:

— Не будете ли вы так любезны объяснить, что вы задумали?

— Я, — ответил человечек, — придумал такое изобретение, которое не пришло бы в голову и самому Мюнхгаузену.

— Однако, — сказал я и подошел ближе, — перед вами барон Мюнхгаузен собственной персоной. А кто вы?

— А... а я мастер Самоделкин!

И он показал мне свое изобретение. Я не мог воздержаться от восхищения и тотчас подружился с ним. Я попросил разрешения открыть его тайну. Самоделкин согласился, но с одним условием: открыть в Клубе мастерскую. «Великолепная мысль!» — воскликнул я.

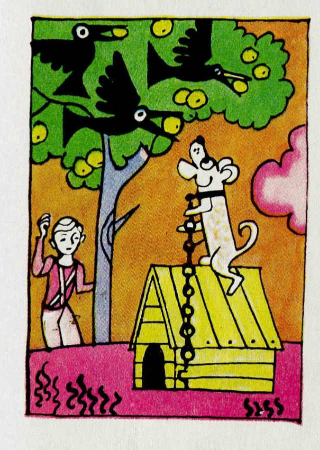
И с сегодняшнего дня в Клубе Почемучек открывается мастерская Самоделкина. Юные мастера присылают чертежи, описания забавных самоделок, необходимых юным натуралистам.

О самых интересных узнают все — чертежи будут напечатаны в журнале. Конкурс мастеров рассчитан на все времена года. Итоги жюри подводит в декабре. Награда — приз мастера Самоделкина.

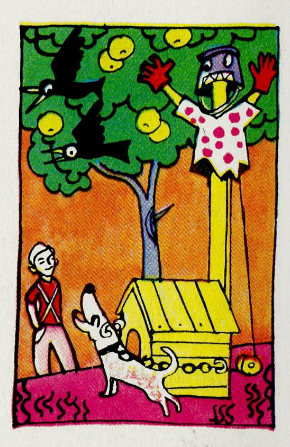
— Из разных краев и областей пишут нам ребята о том, что будто бы в прудах и речках водится живой конский волос. Купаться в таких прудах страшно — ведь живой волос может проникнуть в кожу и вызвать опасную болезнь. Верно ли это? Отвечает ребятам Надежда Константиновна Носкова.

Когда и где возникло это вздорное поверье, не знаю. Однако оно не лишено основания, как, впрочем, и все народные сказки, легенды, басни.

В пресной воде, особенно в мелких прудах, канавах и лужах, где вода хорошо прогревается, живет круглый червь — волосатик. Часто его можно увидеть около самого берега на песчаном дне. Червь этот бывает длиной до

метра, а толщиной всего в один миллиметр, черного или коричневого цвета. Внешне он, и правда, похож на длинный конский волос. Но бояться его совсем не надо — взрослый червь кусаться и тем более впиваться в кожу человека не может, даже если и захочет. У него совсем нет рта, он не питается, живет недолго и только для того, чтобы оставить после себя потомство, сохранить свой вид.

Самка волосатика откладывает в воду яички, из которых вскоре выходят крохотные личинки, снабженные острым хоботком. Они быстро впиваются в тело личинок водных насекомых, растут, питаясь их соками.

Больные, ослабленные личинки стрекоз, поденок, веснянок вскоре становятся добычей крупных хищных жуков-плавунцов, водолюбов. Личинка волосатика, конечно, попадает вместе со своим прежним хозяином в тело жука и продолжает там расти и развиваться. И только накопив достаточно питательных веществ, личинка превращается во взрослого червя — у нее исчезает ротовое отверстие, она очень быстро растет. Вскоре червю становится тесно в теле жука, и он выходит на поверхность, в воду. Жук, конечно, погибает при этом.

Вот и вся история о страшном «живом конском волосе». А дальше начинается все сначала.

Так что волосатик, если и угрожает кому, так это только жукам. А наши смелые любознательные Почемучки его бояться не должны, хотя, конечно, извивающийся вокруг ног длинный тонкий червь эстетического наслаждения не доставит.

«Могут ли рыбы простудиться?» Такой вопрос задавала Рита Никозина из города Архангельска. Отвечает Федор Михайлович Полканов.

Могут. И даже легче, чем люди. Мы можем не ощутить разницы в пять-шесть градусов, а большинство рыб замечают. Рыбы относятся к холоднокровным животным. Мудрено ли, что колебания температуры на них отражаются? При простудах рыбы ослабевают. Тут уж не нужно какой-то специальной инфекции, чтоб они заболели. Такая инфекция в каждом аквариуме наготове, потому что буквально всюду проникают с пылью споры водного плесневого грибка сапролегнии. Здоровым рыбам они не страшны, а вот простуженным...

На теле и плавниках появляются белые точки. Затем они разрастаются, образуя белый пушок. Схватишься вовремя — можно рыбу и вылечить. А не схватишься — рыбка погибнет. Лечить нужно соляными ваннами (столовая ложка поваренной соли на литр воды). Рыбу помещают в раствор на 10—20 минут. Больных обязательно нужно изолировать!

Любопытно, что рыбы простужаются не только от резких колебаний температуры, но и от резкой смены воды.

От простуды можно и вылечить, но лучше, конечно, их не простужать. Это несложно, следите за температурой, а воду меняйте осторожно: не больше трети, и подливайте отстойную.

— А теперь пора закрывать наше сегодняшнее заседание Клуба. До скорой встречи, друзья мои!

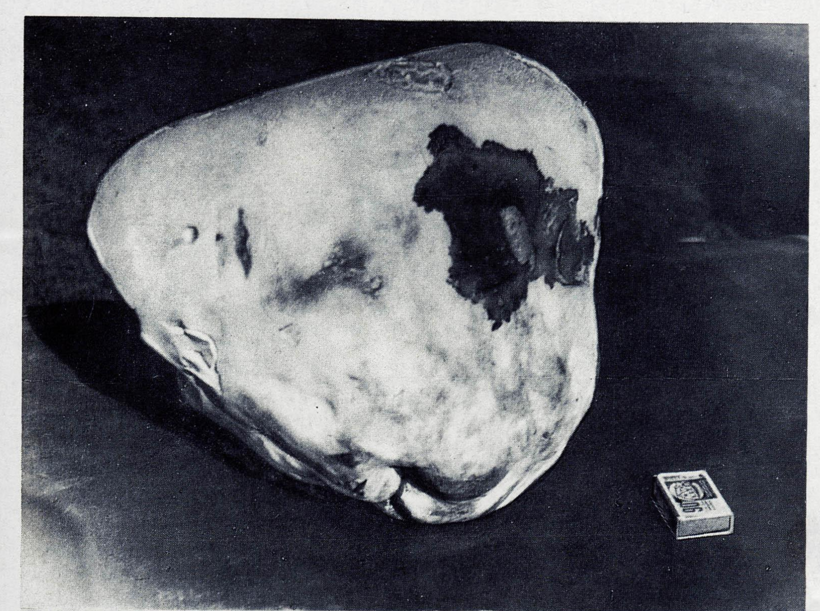

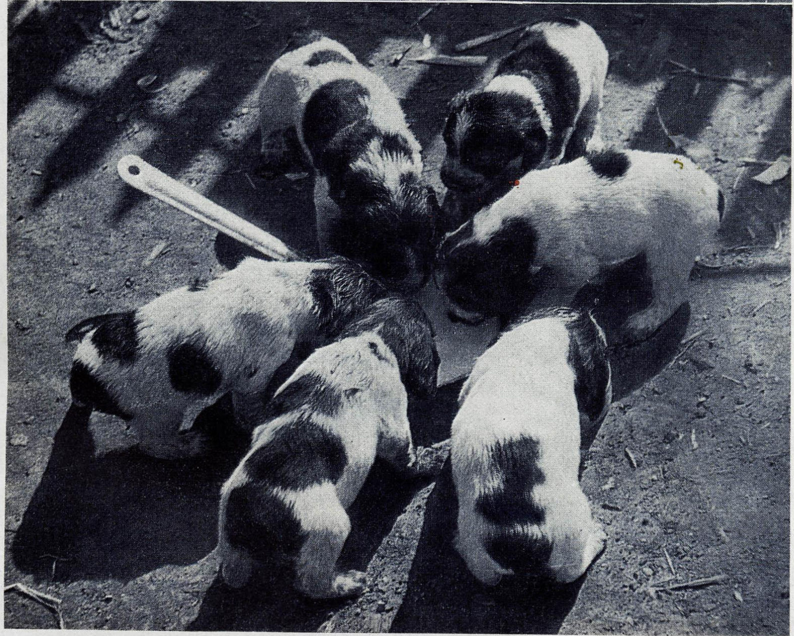
Разными бывают встречи. И не знаешь порой, где придет сказка, а где произойдет все обыденно, обычно. И не обязательно ехать на край света, забираться в непроходимые дебри, опускаться на дно речки или моря, и не надо искать неожиданных встреч. Они происходят сами собой. Можно пройти десятки раз по лесной поляне и ничего не увидеть. Но посмотришь внимательнее, и вдруг... обычный пень уж не пень, а свернувшийся в клубок неведомый зверь.

А зажженные осенью осины? Разве это не чудо! Горят даже при лунном свете, только не так ярко. А ели зимой в заснеженных шапках? Словно тридцать три богатыря застыли на поляне, вышли из вод, и тут сковал их мороз.

Сказка. Она живет рядом с нами. Чтобы увидеть огромный гриб-дождевик, наш читатель Г. Коломиец поспешил в лес, а В. Прохоровичу достаточно было выйти во двор, чтобы заснять безмолвный диалог петуха и собачки. Кому достанется лакомый кусочек? Как решить этот вопрос: миром или войной? А может, просто схватить находку и убежать? Замерли оба в ожидании, никто не решается начать первым.

Это тоже почти обычная встреча. Но Н. Белоус увидел в ней сокровенное. Словно игрушечные, маленькие пушистые шарики пьют воду. Совсем недавно открыли глаза на мир, а он оказался большим и огромным. Вот и держатся щенята вместе: и гуляют, и пьют, и играют.

В редакцию приходит очень много писем от ребят, интересующихся аквариумными рыбками. Письма разные, но вопросы, которые задают ребята, почти все об одном: чем больна та или иная рыбка, как ее вылечить? Увы, ответить на эти вопросы сложно. Рыбьих болезней тьма-тьмущая, по описаниям их почти никогда не определишь. А если определишь, пока письма туда-сюда ходят, рыбка погибнет. Что же тут отвечать?

И все же есть один ответ на сотни вопросов. В больших городах природные водоемы, в которых добывают корм, не всегда чистые. В этих водоемах живут караси, ротаны, плотвички — дикие рыбы. Эти рыбы болеют, но они к своим болезням как-никак приспособлены. А вот домашние рыбы, к сожалению, нет. И погибают от эпидемий, занесенных с кормами в аквариум.

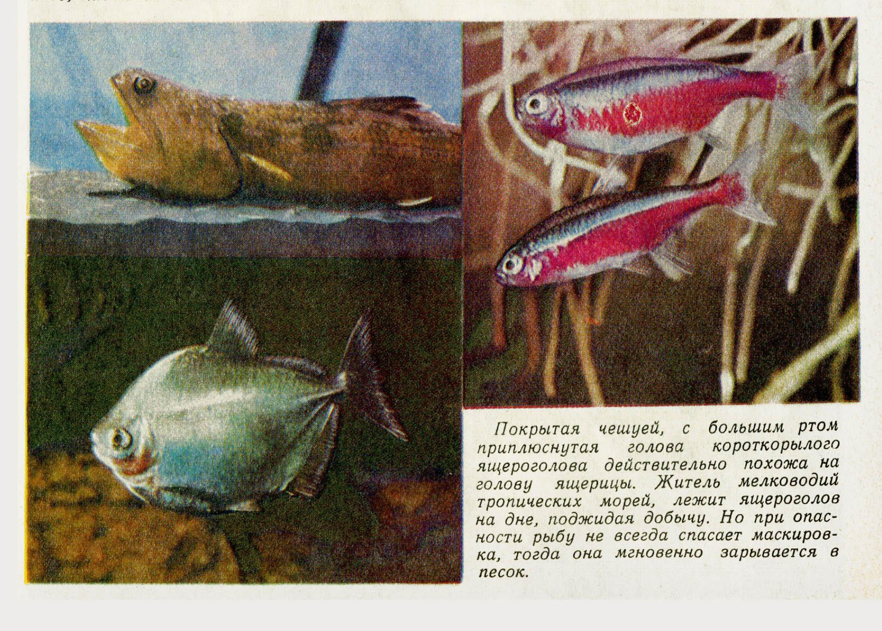
Как от этих эпидемий избавиться? Циклопов и дафний я ловлю только летом и только в лужах, где не живут рыбы. От кормления мотылем пришлось отказаться. А вот трубочниками кормлю, но только выдержанными. Сперва десять дней ежедневно их промываю, а потом даю рыбам. В холодильнике, в закрытой коробке, трубочники живут месяц. Хорош сухой витаминизированный корм, изготовляемый в ГДР. Но этим кормом даже при добавлении трубочников не обойдешься. Поэтому зимой приготовляю кашицу. Провертываю через мясорубку говяжью печень, добавляю в нее равными частями тертый сухой гаммарус и дафнию, размельченный мотыль и толокно или растертые овсяные хлопья. Нужно, чтоб получилась смесь густой, как сметана. Эту смесь наливаю в консервную банку, ставлю в кастрюлю с водой, и все на газ. Кипячу час. Все микробы при кипячении гибнут. На морозе эту кашицу можно хранить месяцами.

С успехом рыб можно кормить пастой из криля (морской креветки). Паста продается в рыбных магазинах. Кормить надо аккуратно, чтобы рыбки все съедали.

Ф. ПОЛКАНОВ

В тропических лесах Южной Америки, в маленьких проточных озерах и речках Амазонки, живут красивые светящиеся неоновые рыбки.

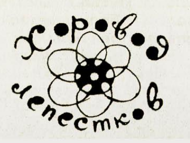
Рыбы-доллары внешне очень похожи на кровожадную пиранью, но нрава они кроткого, питаются моллюсками.

Покрытая чешуей, с большим ртом приплюснутая голова короткорылого ящероголова действительно похожа на голову ящерицы. Житель мелководий тропических морей, лежит ящероголов на дне, поджидая добычу. Но при опасности рыбу не всегда спасает маскировка, тогда она мгновенно зарывается в песок.

Белопероне

Немногие из любителей цветов знают об этом вечнозеленом тропическом растении. Редко встречается оно на окнах наших комнат.

Не имеет белопероне ни больших декоративных листьев, ни ярких цветов, но привлекает нежностью своих тонких и гибких побегов, стреловидными волнистыми листьями и оригинальными цветками — карминно-желтыми, собранными в колоски на концах

веточек. За форму листьев и получило растение свое название: в переводе с греческого «белос» — стрела, а «пероне» — остроконечный.

Принадлежит растение к семейству акантовых, и ботаническое название его — белопероне гутта (капельная). На родине этого растения, в тропиках Америки, их около 30 видов, но особое расположение цветоводов завоевал именно этот вид.

Почти целый год белопероне цветет, и только с ноября до января цветение прекращается.

При желании белопероне можно использовать как ампельное растение. Для этого несколько хорошо вызревших однолетних черенков высаживают наклонно в глиняный горшок. Появившиеся побеги не подрезают и время от времени осторожно отгибают книзу, чтобы придать им висячее положение.

Белопероне любит много влаги, но в период покоя поливайте ее умеренно.

Пересаживают растение через 1—2 года. При этом обрезают побеги: слабые на две почки, сильные — на три и сажают в смесь из перегнойной земли, торфа и песка в соотношении 3 : 1 : 1.

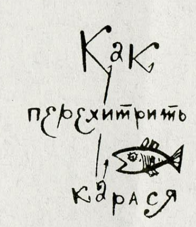
Размножать белопероне можно не только черенками, но и семенами. Весной и летом из хорошо развившихся, но не цветущих побегов нарезают 3—5 черенков и высаживают в горшок в песчаную почву. После укоренения черенки обильно поливают и каждую неделю подкармливают.

Белопероне любит свет, но от горячего полуденного солнца ее листья могут стать ржаво-красными. Лучше убрать растение в притененное место.

Самая подходящая температура для содержания белопероне 15 градусов тепла, а зимой не ниже 12 градусов тепла. При более низкой температуре растение начинает сбрасывать листья.

Белопероне, когда цветет, своими колосками напоминает соцветия многолетнего вьющегося растения — хмеля, за что и назвали ее «комнатным хмелем».

В. ШИШКИН

Окунь на пружинку

Многие удильщики увлекаются зимней ловлей красноперых окуней и других хищных рыб на маленькую рыбку — малька. Прорубит рыболов во льду несколько лунок, наживит крючки мальками и поставит в каждую лунку поплавочную удочку, чтобы малек плавал вблизи дна. В начале зимы такой способ лова всюду бывает удачным.

Но уже со второй половины декабря в большинстве водоемов кислородный режим ухудшается, рыба становится вялой, и опущенный на глубину малек беспомощно повисает.

Сонный малек становится малозаметным, ничем не привлекает к себе бродячих хищников. Такой малек зачастую не способен раззадорить и близко находящихся хищных рыб. Что же делать? Большинство рыболовов прекращают ловлю.

Но есть неугомонные рыболовы. Они успешно ловят на малька рыбу всю зиму. Вот они-то и придумали хитроумный способ ловли при помощи ветра и пружинки. Делается это так. На вершинку зимнего удильника, имеющего длину 40—50 сантиметров, надевается круглая резинка, в которую вставляется рояльная или иная пружинная проволока диаметром 0,5 миллиметра и длиной 35 сантиметров. Верхний конец проволоки на расстоянии 30 миллиметров отгибается на 60° и ему придается форма поддева, похожего на половину окружности. На лесу удочки надевается пробковый шарик с отверстием посредине и с флажком из красной материи. Прикрепляют его к шарику тонкой медной проволочкой так, чтобы оставался свободный конец длиной 6—8 сантиметров. После отмера глубины пробковый шарик навешивается на поддев пружинки изогнутым концом медной проволочки, и леса с мальком сбрасывается в лунку.

Торчит такая удочка возле лунки, ветер непрерывно раскачивает пружинку, приводящую в движение малька. Интересно наблюдать за поклевкой рыбы на такую снасть. Как вздрогнет пружинка, да начнет изгибаться и все гнется, гнется под усилием тянущей рыбы, пока шарик с флажком не слетит с поддева. Сердце рыболова замирает от волнения, он бросается к удочке и вслед за подсечкой вываживает в лунку увесистого окуня, ощетинившегося колючими плавниками.

При ловле на такую снасть имейте в виду, что в дни плохого клева, когда из-за погоды или других условий окунь не гоняется за мечущимся мальком, длину лесы нужно несколько увеличивать, чтобы болтающаяся по ветру пружинка перемещала малька у самого дна и даже таскала его по грунту дна.

Г. САЗОНОВ

НАШ ГОГА

Папа принес дикого гуся: его кто-то на озере ранил. Гусь, высунув из сумки голову, испуганно смотрел на нас. Когда мы протягивали к нему руки, сердито шипел: «Ш-ш-ш» — и раскрывал большой плоский клюв.

Один раз я не успел отдернуть руку, и гусь так меня ущипнул, синяк сделался. Хотя и было очень больно, и уж в глазах слезки на колесках, но я стерпел. Посмотрел на взрослых. А они на меня смотрят: ожидают, что я вот-вот разревусь. И тогда я быстро протянул руку и схватил гуся за шею, около головы.

— Во! — воскликнул я.

Гусь попробовал вытянуть голову из моей руки, но я со всей силой держал его.

— Ну ладно, — проговорил папа, видя, что победа мной окончательно одержана. — Отпусти его, а то задушишь.

Я разжал руку и не успел отдернуть, как гусак снова цапнул меня за палец.

— Видишь, рассердился на тебя, — сказала мама. Она взяла гуся и стала его гладить. Он почему-то ее не трогал. Наверное, видел в ней доброжелательницу.

Гуся отпустили на пол.

— Какой большой! — удивился я.

Его голова на вытянутой шее доходила мне до плеча. Это был на редкость крупный гусак. Одно крыло его свисало на пол. Оно было перебито. Когда мы отошли, гусь побежал по комнате и залез под кровать.

— Мама, как его будем звать? — спросил я.

— Он серый. Значит, Серко.

— Нет, — сказал папа. — Вот он познакомится с нами и сам скажет, как его зовут.

Первые два или три дня гусь ничего не ел и все сидел под кроватью. У него сильно, наверное, болело раненое крыло. А может быть, он скучал по воле. Но, проголодавшись, гусь сам вылез из своего убежища и, подойдя к плите, где на полу в большом чугуне остывала пареная пшеница, торопясь и озираясь по сторонам, стал хватать теплое и мягкое зерно своими плоскогубцами. Это клюв у него такой смешной, как самые большие плоскогубцы у папы.

Мне не терпелось узнать имя нашего квартиранта. И вот, когда гусь ел зерно,— в другой раз это было — папа, взяв меня за руку, потянул за собой. На цыпочках мы вошли в кухню. Гусь увидел нас и отвернулся.

— Полно! — ласково сказал папа. — Не дуйся. А скажи-ка, как тебя зовут?

Гусь шагнул от нас, а потом, повернув к нам голову на длинной шее, вдруг громко крикнул:

— Го-го!

— Браво! Браво! — воскликнул папа. — Слышал? — спросил он у меня. — А ну, повтори.

— Гога,— ответил я, стараясь произнести это по-гусиному.

— Гога, — кивнул папа. — Я же говорил, что он сам скажет свое имя.

— Гога, — раздалось за нами. Я и папа обернулись. Это Павлик, братишка. Он незаметно вошел в кухню и все слышал.— Гога, — повторил Павлик. Он захлопал в ладоши и запрыгал на одном месте: — Гога Мога! Гога Мога!

Папа засмеялся.

— А вот и фамилия его. Молодец, Павлик! А то ведь с одним именем-то как жить.

Вскоре Гога по фамилии Мога стал брать корм из рук. Особенно он привязался к сестренке Тамаре. Она играла с ним, кормила его, даже залезала к нему под кровать, и он ее не клевал. Один раз, когда Тамара спала в маленькой детской комнатке, Гога подошел и, протолкав между решеток свой нос, принялся теребить красный бантик, завязанный у сестренки на голове. Тамара проснулась. Гога ткнулся ей в щеку клювом и в самое ухо крикнул:

— Го-го!

Тамара смеялась, а Гога ну вокруг ее кровати! Крыльями машет! Что тут поднялось в комнате — ураган настоящий! Со стола полетели газеты, мои рисовальные тетради. А Гога на стул. Мах-мах — и на комод. Столкнул на пол будильник. Тот как затрезвонит! Трезвона этого гусь не выносил. Мах-мах — и прямо с комода на крыльях в дверь. А там уж мама. Он ее чуть с ног не сбил.

Подобные проявления бурной радости у Гоги были часто. И это понятно. Гусь поправился, крыло поджило, и ему хотелось летать, мы же боялись выпустить его на улицу.

Помню, как-то мама принесла от соседей серую кошку, Машку. Тамара с радостью схватила Машку, взобралась на стул и принялась разглядывать ее лапки и ушки. Гога, услышав звонкий смех сестренки, вышел из-под кровати и направился к своей любимице. Он протянул к Тамаре голову, но сразу же отдернул ее. Перышки на его шее поднялись. Гога, полуоткрыв клюв, угрожающе зашипел. Это он увидел Машку, которую принял

за врага. Обойдя вокруг стула, Гога остановился с другой стороны.

— Ш-ш-ш, — снова сердито произнес он и стукнул Машку в лоб. Машка спрятала голову сестренке под руку и зажмурила глаза. Машка была не драчунья и вообще не хотела в гостях устраивать скандала. Гога потоптался на месте, обошел еще раз вокруг стула, ущипнул Машку за хвост, что-то прокричал по-своему, наверное: ишь, развалилась, презренная мяукалка, и, видя, что Машка не намерена вступать с ним в красноречивую перебранку, отошел от Тамары.

Мы боялись выпускать Гогу на улицу, думали, улетит. Но однажды он выскочил в открытое окно. Дома взрослых не было. Я, Павлик и Тамара кинулись ловить нашего Гогу Могу. Но гусь и не думал улетать. С криком «го-о-гаг», вытянув шею, он вертелся между нами, ущипнул нас легонько раза по два за голые икры. Это он от радости. После этого Гога каждый день выходил на лужок потеребить зеленую травку. Но трава для него была своего рода только приправой, как нам укроп, лук и перец. Предпочтение он отдавал зерну. И ел его с великим наслаждением. Наберет из корытца клювом-совочком пареных зернышек, запрокинет на длинной шее голову, от умиления глаза закроет и глотает маленькими порциями.

Наступила осень. Крыло у Гоги давно зажило. И вот как-то ночью над домами с криком полетели дикие гуси. Гога выскочил из-под кровати.

— Го-аг! Го-аг! — закричал он на весь дом. Потом вскочил на стол, ткнулся в окно. Несколько раз подбегал к дверям. Всю ночь Гога не спал. А утром мы выпустили его на улицу. День был пасмурный. Шел мелкий дождь. Гога поплескался в луже и вышел на луг. Вдруг он высоко поднял голову и минут пять стоял, прислушиваясь к чему-то. Издалека, из-под хмурых седых туч, к нему прилетел знакомый родной клич, зовущий к себе. То улетали к югу его братья гуси. Еще несколько минут стоял Гога, о чем-то раздумывая. Потом вдруг закричал, замахал крыльями, разбежался и полетел. А мы стояли на терраске и смотрели ему вслед, не задерживали его, не окликали.

ВЕСЕЛАЯ ПТИЦА

Снова припекает яркое солнце. Заговорили ручейки. Зазеленели бархатом лужайки. Снова весна, а за ней и лето. Каникулы. Опять целые дни на озере.

Вот мой причал — кустик дикой яблони. К яблоне привязан плотик. На плотике у меня шалаш из камыша. Это чтоб скрытно наблюдать за птицами. Отвязываю плотик и плыву в тростниковые крепи — озерные джунгли.

Сижу в шалаше. «Вджик, вджик», — доносится. Странные звуки. Птицы так не кричат. Долго слушаю. А звуки эти ближе, ближе ко мне. Уж где-то рядом. Тихонько раздвигаю стенку шалаша. Лысуха! Молодые побеги тростника рвет, клювом, как ножницами, режет. Это она обедает.

Меня немного огорчает, что все так просто разрешилось. Но тут же я забываю про лысуху. Мимо меня плывет какая-то птица, а на спине у нее птенцы. Как на лодочке сидят. Новая загадка. Что за птица? Такой я еще никогда не видел. А потом вижу: прямо ко мне чайка подходит. Она, и правда, как маленький белый кораблик. Подплыла чайка и на плотик мой лезет. У меня даже дыхание остановилось. Глазами моргнуть боюсь. Влезла чайка на плот, поправила клювом обвислое крыло — и топ-топ ко мне в шалаш. Чудо какое-то! Сама мне в руки далась.

Чайка была ранена одной дробинкой в крыло.

Посадил я чайку во дворик к лысухам, поставил корм. Но ни овес, ни хлеб чайке не по вкусу. Пришлось пойти к рыбакам на озеро за мелкой рыбой.

Один раз во дворик к чайке перелетел петух. Он чайку еще не видел. Кудахтнул петух, будто спросил: кто такая? И, подняв свой золотой воротник — это добра не обещало, — боком, боком на чайку.

Она же встретила куриного предводителя громким криком «Ха-ха-ха!» — будто смешно ей стало от его напыщенности. Насмешливый крик смутил петуха. Посмотрел он, посмотрел на странную птицу, которая умеет по-человечески хохотать, отступил, взлетел на забор, кукарекнул да и подался к своей куриной семье. Спокойнее как-то: кто знает, что она за птица такая?

Жила хохотушка у меня месяца два. Крыло у нее зажило, и я ее выпустил.

— Лети, веселая птица, — сказал я и стал махать рукой ей. И тут она не изменила себе. Пролетая надо мной, громко и весело захохотала. Это она благодарила меня.

ДРОФИЧ

Однажды в августовскую пору сидел я в тростниках на небольшом озерке. Озерко одной стороной подходило к голому увалу. Со второй — насколько хватал глаз — распростерлась солончаковая низина — степь, поросшая местами реденьким ковылем. Был уже полдень, когда я поднялся из своей сидки, собираясь уходить. И тут внимание мое привлекла птица, как-то странно подпрыгивающая в ковыле. Не спуская с нее глаз, я поспешил укрыться. Птица приближалась. Через минуту-другую я узнал в ней дрофу. Но что это? Перед дрофой вертелся кто-то желтый. «Лиса, — мелкнуло в голове, — лиса напала на дрофу». Но тут же я увидел нечто другое.

Это была не лиса, а небольшая собака, и не она, а дрофа оказалась нападающей стороной. Собачонка пробовала улизнуть. Дрофа настигала ее. Она опрокидывала неприятеля навзничь и била клювом и крыльями. Затрудняюсь сказать, что было бы дальше, не окажись на их пути озерка. Собака бросилась в воду. Дрофа остановилась. Это был крупный самец. Крылья его были приспущены, ноги вытанцовывали. Мне даже показалось, что он весь мелко-мелко вздрагивал.

Проследив за удаляющимся дрофичем, я крадучись выбрался из тростников и пошел в том же направлении. Шагов через триста увидел вдали колышек — голову дрофы. Обходя полукругом, приблизился метров на сто. Вот и вторая голова выставилась. Птицы пошли от меня. Я за ними. Дрофы побежали — и на крыло, полетели. И тут, неловко взмахивая неокрепшими крыльями, поднялись за ними два дрофенка. Пролетев десятка три метров, птенцы упали в ковыль. Неподалеку от них опустился и дрофич.

Рис. В. Толстоногова

МУРАВЬИНЫЙ ДУШ

Всему виной было наше позднее прибытие на озеро. Палатку ставили уже в темноте. А утром... Утром чуть свет товарищи мои были уже на ногах. Выбрался я из палатки — туман. Какая уж тут рыбалка! Махнул рукой — дней много, — обратно в палатку. Залез в спальный мешок... Проснулся в поту весь, хоть выжимай, такая жара. Выбрался из спального мешка. А его и зеленые стены палатки муравьи облепили. Отряхиваясь от непрошеных гостей, приподнял дверной полог. Палатку-то рядом с муравейником поставили! В таком сообществе долго не проживешь. И тут вижу — на муравейнике кукша. Вытянулась, крыльями трепещет, а над ней облачко какое-то. Приглядываюсь. Это же муравьи ее своей кислотой опрыскивают. А кукша перья вздыбила и с боку на бок, будто душ принимает. Смотрю на нее и думаю: какая ей необходимость в этом? И тут вспомнил, что где-то читал, как птицы лечатся от ревматизма муравьиной кислотой. Не могу сказать, от ревматизма или от какого другого недуга принимала кукша этот необычный душ, но я тому свидетель.

М. БАРАНОВ

ЖАДИНА

Пожалуй, больше всего мне нравилось плавать и нырять в заливе Стрелок. И вовсе не потому, что в нем вода теплей, чем в самом Японском море, а потому что водилось заливе превеликое множество всякой подводной живности, наблюдать за которой я был большим охотником. И потому плавал я не спеша, с остановками, чтоб на дно смотреть, да не упустить чего-либо интересного.

Вот и в тот день заштилел мой залив, заиграл не нарушенной волнами бирюзой, заискрился. Не усидел я. Плыву вдоль острова Путятина — глаз от дна не отрываю. Вода прозрачная, словно воздух, песчинки и те видно. Правда, и глубина-то подо мной невелика, не более пяти метров. Крабы тут в несколько раз больше черноморских. Заметили надвигающуюся на них тень мою, вздыбились, но почувствовали, что не справятся с таким страшилищем, пустились по-крабьи, боком наутек.

Лениво шевелю ластами, чуть заметно продвигаюсь вперед. Появились густо обросшие черными гроздьями мидий глыбы базальта. Они почему-то напоминают мне кисти спелого винограда «изабелла». Из-под глыб тянутся вверх зеленовато-бурые ленты морской капусты. За глыбами серые пятна песка. На них сонно колышутся солнечные блики, освещая распластавшихся на песке морских звезд.

Добираюсь до следующего песчаного островка. Звезд на нем нет, зато обнаруживаю с десяток тарелок — раковин моллюска гребешка. Действительно, будто тарелки столовые, только разбросаны как попало, одни плашмя лежат, другие в песке торчком торчат. Есть тут и малыши, с блюдце чайное, и гиганты, с хорошую миску. Особенно вон та. Но стоп! Рядом с ней замечаю какое-то довольно странное темное пятно. Всматриваюсь, и с трудом узнаю в нем совсем маленького осьминожка. Он наверняка вдвое меньше гребешка гиганта.

— Малыш, а как маскируется, — удивляюсь я хамелеонной способности головоногого, — никак задумал что-то недоброе. Похоже, что за этим большим гребешком охотится, ну и жадина. Неужели справится?

Лежит осьминожка, не шелохнется. Не шевелюсь и я. Наверняка что-то интересное будет. Так и есть, вижу, как одно щупальце, то, которое биологи рукой называют, осторожно, едва уловимым движением потянулось к гребешку. На самом его кончике замечаю схваченный присоской кусок плоской щебенки.

Лежит гребешок, не видит приближения страшного щупальца, не видит, хоть и глазастый. Говорят, у этого моллюска их около сотни, да только все они близорукие, видят всего сантиметров на десять. Хитрец осьминожка наверняка знал этот природный недуг гребешка, потому что сантиметров за десять до своей жертвы его щупальце прекратило вытягиваться, остановилось. И все опять замерло.

Уж не в «пересидки» ли задумали они поиграть? Первым не выдержал пересидку гребешок. Он стал медленно открывать свои створки — тарелки. Вот появилась едва заметная щелочка, потом она стала побольше. Этого только и надо было хитрецу осьминожке, неуловимым для меня, молниеносным движением он всунул в щель кусок щебенки, не всю, а половинку ее. Гребешок тут же попытался захлопнуть створки, но где там, этому-то и помешала щебенка. А щель почти осталась такой же.

Осьминожка одним прыжком очутился на гребешке. Я видел, как он старался в щель засунуть два щупальца, чтобы разжать створки несчастного гребешка, потом разорвать их и насладиться нежным мясом моллюска.

Осьминожка всунул в щель сначала одно щупальце. Гребешок раскрыл шире створки, щебенка неожиданно для хищника вывалилась наружу. Гребешок это почувствовал и с силой захлопнул створки, зажав будто тисками кончик щупальца. Осьминожка взвился вверх, но тут же сел на дно, поволок куда-то в сторону гребешка, опять уселся, надулся, покраснел, встал на все свободные щупальца, наседая на гребешка. А тот и не думает разжимать створки, знай себе жмет и жмет щупальце. Схватил тогда этот маленький головоногий карлик громадину раковину в охапку и боком потащил к краю песчаного островка. Что он замыслил с ней сделать, не знаю, только не под силу она ему все же была, швырнул ее в сердцах. Гребешок дернул за щупальце. Осьминожка завертелся волчком и вдруг сел, притих. Сидят, не шелохнутся, будто опять в «пересидки» играют. У гребешка, как и в первый раз, терпения не хватило. Почувствовал он, что враг присмирел, приоткрыл створки-тарелки. Осьминожка встрепенулся и выдернул щупальце. Только на этот раз не бросился на гребешка, а прижал к себе щупальце, гладит его, раскачивается из стороны в сторону, как человек, когда палец молотком ушибет, подуть бы ему еще на него.

Гребешок чуть полежал, потом хлопнул створками, скакнул и исчез в водорослях. Только его и видели.

Е. ПОПОВ

КАК ЮЛЬТЫЛЬ НЕРПУ ДРЕССИРОВАЛ

Если бы Юльтыль жил не на берегу студеного моря, а где-нибудь поюжнее, он, может быть, какого-нибудь другого зверя выбрал для дрессировки — сухопутного. А у них только песца или белого медведя выбрать можно для этого занятия.

Но белого медведя в дом приводить страшновато. Умка вырастет, обидеть может, а песец — глупый, и в тундре уважением не пользуется.

Спросите: «А почему бы кошку или собаку не дрессировать?» Юльтыль только бы развел руками. Кошка у них в поселке одна. У учительницы Лидии Сергеевны. Она ее с материка с собой привезла. Ну, а собак северных что ж дрессировать? Они и так человека в тундре понимают с полуслова.

Думал, думал Юльтыль и решил просить зверобоев, чтобы они привезли ему нерпенка. Зверобои выполнили просьбу мальчика.

Юльтыль нашел недалеко от поселка небольшой, закрытый у входа льдами залив и выпустил животное. На берегу он воткнул палку и прицепил к ней старый школьный звонок, которым давно никто не пользовался.

Юльтыль присел на камень, достал из мешка рыбу, дернул за шнур. Из воды показалась голова нерпы. Мальчик тут же бросил рыбу и крикнул:

— Угощайся, Малышка!

Нерпа сначала испугалась и нырнула, но потом снова выглянула и схватила рыбу.

— Ага, дрессируешься! Дрессируешься, — обрадовался Юльтыль, позвонил в звонок и опять бросил рыбу. И чем ближе он бросал, тем ближе подплывало животное. Казалось, что еще немного, и Малышка выберется на берег. Но у какой-то незримой черты нерпа остановилась и не пересекала ее.

— Ничего, ничего, Малышка! У нас еще все впереди. Я тоже не сразу буквы выучил.

Не так много времени прошло, и Юльтыль добился своего. Малышка стала появляться из воды не только по звонку. Заслышав издалека громкий голос своего дрессировщика: «Малышка, Малышка, обеда-ать!» — нерпа, расплескивая ластами воду, как подлодка, неслась к берегу. Здесь скорость заметно снижалась. У берега Малышка становилась неуклюжей. Перебирая ластами, переваливаясь с боку на бок, она двигалась навстречу своему другу. Юльтыль кормил ее рыбой и гладил. Это нерпе очень нравилось, и она ложилась на спину, похлопывая себя ластами.

Однажды в поселок прилетел самолет и привез много игрушек для ребят. Юльтыль пришел в магазин и выбрал для себя три больших резиновых мяча.

— Куда тебе столько? — удивился продавец.

Но Юльтыль ничего не ответил. Он не хотел ни с кем делиться своей тайной. Он еще и не знал, как отнесется к мячам нерпа, будет ли играть с ними.

Но Юльтыль напрасно сомневался. Малышка обрадовалась подарку — большому зеленому мячу. И как только Юльтыль бросил его в воду, стала носиться по заливу, подбрасывая мяч носом.

Потом мальчик бросил остальные два мяча. Нерпа плавала от одного мяча к другому, доставляя огромную радость Юльтылю. И ему очень захотелось рассказать обо всем ребятам.

На следующий день после уроков весь пионерский отряд пришел смотреть дрессированную нерпу. Ребята расположились кто где: за большой корягой, за бочками, выброшенными морем, за льдинами. Так просил поступить всех Юльтыль, чтобы не испугать Малышку.

И ребята вдруг увидели, как нерпа, весело подпрыгнув над водой, понеслась к берегу, услышав голос их товарища. По берегу она послушно ходила за ним, подбрасывая на носу мяч, переваливаясь через спину, и хлопала ластами по брюху, выпрашивая рыбу.

Зрители не удержались и зааплодировали. Конечно же, представление было сорвано. Малышка заспешила к воде, и только ее и видели.

Юльтыль очень расстроился. А ребята подходили к нему и говорили:

— Мы больше никогда не будем хлопать, но ты бери нас каждый раз с собой. Ладно?

Когда стало теплее и ветер угнал льдины с залива, Малышка уплыла в море. Но недалеко. Потому что каждый раз, когда Юльтыль приходил к тому месту, где на палке висел старый школьный звонок, Малышка приплывала в залив и выходила на берег.

И только ледяная вьюжная зима разлучила друзей.

Г. ЦЕПУЛИН

СЕВАСТОПОЛЬ

Когда я подхожу к тебе,
Песчаный берег, гула полный,
К моей задумчивой ходьбе
Прислушиваются волны.

Плывут за бухтой корабли.
Почти чернеют в море волны.
Недаром ведь его могли,
Могли назвать так —
морем Черным!

Восходит солнце в серой мгле,
Все озаряя щедрой краской.
И Севастополь на заре
Мне кажется чудесной сказкой.

Лена ОБОЙМИНА

г. Севастополь

ПРО ТО, КАК ЗИМА С ВЕСНОЙ ПОВСТРЕЧАЛИСЬ

Утро приходит в февральский лес сразу, откуда-то сверху. Заливает багряный свет кроны деревьев, бронзовые лучи охватывают стволы. От свежего воздуха кружится голова.

Хочется поскорее выйти к реке, посмотреть, как чувствует себя голубоглазая красавица в ледяных оковах. Снег хрустит под ногами, слепит глаза. И вдруг...

В лесу все было особенным: деревья замерли в хороводе, воздух застыл, казалось, его можно резать ножом, каждую веточку, каждую деталь было видно очень четко. В нескольких метрах на противоположной стороне реки раскинула ветви сосна. Все-таки далеко, а видно каждый сучочек, хоть рисуй.

Вдруг раздался слабый треск, чуть слышный, но я поняла, даже скорее почувствовала — лед тронулся. На обратном пути я все внимательнее приглядывалась к тонким, прямым как струны березам, дрожащим от дуновения ветра осинам, пушистым, раскидистым орешникам. Они как будто только и ждали того мгновения, когда лед на реке треснет, почки набухли, а ветви, отяжелевшие от сока, приветливо мне махали и шептали: «Видишь, как мы счастливы, ведь зима с весной повстречались, повстречались, повстречались...»

Люда ФЕДОСЕЕВА

Москва

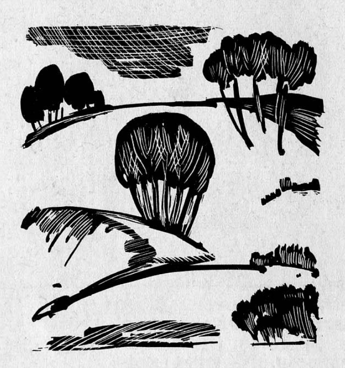
ЗИМА

Идет зима дорогами,
Крадется, как лиса.
Покрыла все сугробами,
Заснежила леса.

Зима — старушка добрая,
Подарки раздала:
Деревьям — шубы белые,
А людям холода.

Валя МАХОВА

г. Томск

РОДНЫЕ ПРОСТОРЫ

И снова родные просторы:
Бегущие вдаль облака,
Холмы, невысокие горы,
Поля, заливные луга.
И снова привычно качает
Под стук монотонных колес,
А за окошком мелькают
Стволы белоснежных берез.
Блестит, словно зеркало, речка,
И только окно распахнуть,
Как чем-то родным бесконечно
Вдруг сразу наполнится грудь!

Ира КОКОВИХИНА

г. Пермь

РОЗОВЫЙ ИНЕЙ

Однажды я вышла в школу раньше обычного. Путь мой лежал через парк. Про этот парк я слышала интересные рассказы и многое видела в нем.

Я видела почти каждый день пестрых дятлов, терпеливо ищущих себе личинок в старой древесине деревьев, голубые ковры подснежников весной на открытых полянах. Зимой очень часто белый, чуть вспушенный иней покрывает разлапистые ветви елей и сосен, а голые ветки лиственниц, клена и тополя убираются снежными гирляндами. Я видела чуть голубоватый иней утром, но розовый иней увидела впервые.

Я проходила мимо березовой опушки, когда первые лучи солнца выскользнули из-за туч. Вокруг берез белел снег, а в самой чаще кустиков снег еще был чуть голубоватым от еще не растаявшего рассвета. И на фоне голубого неба на тонких березках лежал зажженный огненным восходом розовый иней.

Надя СВИРИДОВА

п. Анна
Воронежской области

«БУРЕВЕСТНИКИ»

В. Денисенко
г. Синельниково

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Наша обложка

На первой, четвертой страницах обложки фотоэтюды К. Рождественского «Зимнее солнце» и «Беличий завтрак».

Главный редактор А. А. ВИНОГРАДОВ

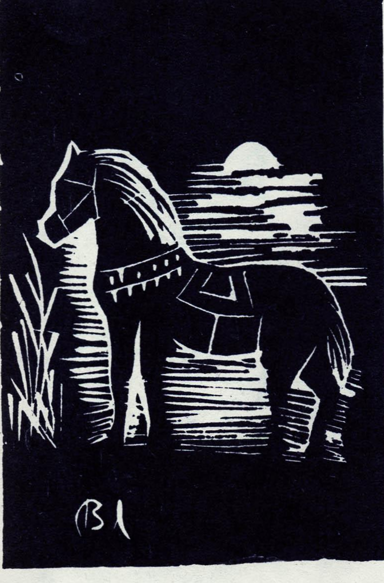
Редколлегия: Булгаков Л. Н., Корчагина В. А., Клумов С. К., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Щукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук профессор Н. А. Гладков

Художественный редактор А. А. Тюрин
Технический редактор Г. В. Каплан

Сдано в набор 6/XII 1972 г. Подп. к печ. 5/I 1973 г. А00304. Формат 70×100¹/₁₆. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 2 575 000 экз. Заказ 2328. Цена 20 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

«В НОЧНОМ».

Вася Лопатин
Москва

«НА ОЗЕРЕ».

Таня Григорьева
Москва

«КУНИЦА».

Сергей Волошин
Архангельская область

Индекс 71121

20 коп.